

Кейт ДиКамилло⁶

ФЛОРА И ОДИССЕЙ

Кейт ДиКамилло

ФЛОРА
И ОДИССЕЙ

БЛИСТАТЕЛЬНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

—
*Перевод с английского
Ольги Варшавер*

*Художник
К. Дж. Кэмпбелл*

Москва
«Махаон»
2015

УДК 821.111(73)-3-93
ББК 84(7Coe)
Д44

Kate DiCamillo
FLORA & ULYSSES
The Illuminated Adventures
First edition 2013

Перевод с английского *Ольги Варшавер*

Published by arrangement with Walker Books Limited,
London SE11 5HJ.

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, transmitted, broadcast or stored in an information retrieval system in any form or by any means, graphic, electronic or mechanical, including photocopying, taping and recording, without prior written permission from the publisher.

ДиКамилло К.

Д 44 Флора и Одиссей. Блистательные приключения : повесть / Кейт ДиКамилло ; [пер. с англ. О. Варшавер] ; худож. К. Дж. Кэмпбелл. – М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2015. – 240 с. : ил.

ISBN 978-5-389-07635-8 (рус.)

ISBN 978-7636-6040-6 (амер.)

История об удивительной дружбе девочки Флоры и белки-супергероя по имени Одиссей.

УДК 821.111(73)-3-93
ББК 84(7Coe)

Text © 2013 by Kate DiCamillo

Illustrations © 2013 Keith Campbell

© Ольга Варшавер, перевод на русский язык, 2014

© Оформление. Издание на русском языке. ООО «Издательская

Группа «Азбука-Аттикус», 2015

Machaon®

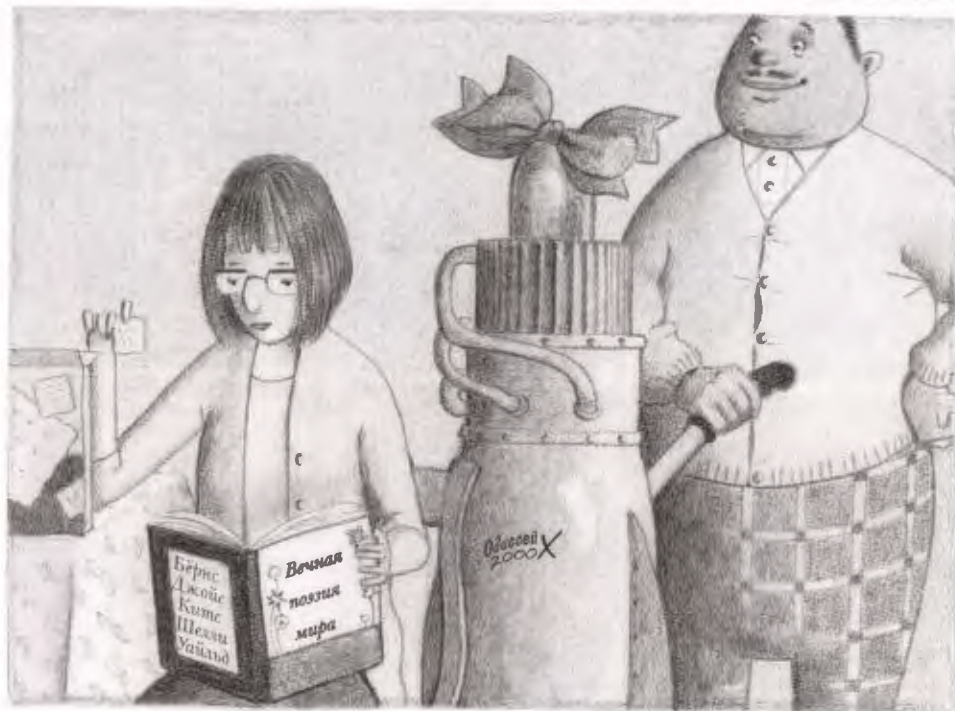
ISBN 978-5-389-07635-8 (рус.)

ISBN 978-7636-6040-6 (амер.)

Андреа и Хеллер, вы — мои супергерои.
К. ДиКамилло

Для Т. К.
К. Дж. Кэмпбелл

НА КУХНЕ У ТИКХЕМОВ ЛЕТНИМ ВЕЧЕРОМ...

ТАК ВСЁ ЭТО И НАЧАЛОСЬ.
С ПЫЛЕСОСА.
ЧЕСТНОЕ СЛОВО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Прирождённый циник

Флорабелла Бакмен сидела за столом у себя в комнате. И была она страшно занята, поскольку делала две вещи сразу: игнорировала свою маму и читала комикс под названием *Блистательные приключения потрясающего Цинкандесто*.

– Флора, – кричала мама из кухни, – что ты там делаешь?!

– Читайте! – кричала в ответ Флора.

– Не забывай про наш контракт! – кричала мама. – Контракт – это святое!

В начале лета, поддавшись минутной слабости, Флора совершила ошибку: подписала бумагу, в которой обещала «отречься от идиотских развлекалок-комиксов и приобщиться к ясному свету истинной литературы».

Это дословно.

Так чёрным по белому написала мама в бумаге под названием «контракт».

Мать Флоры – писатель. Она сочиняет любовные романы.

Которые, ясное дело, не идиотские и не развлекалки.

Флора ненавидит любовные романы.

И любовь тоже.

– Ненавижу любовь, – произнесла Флора вслух, самой себе.

НЕНАВИЖУ ЛЮБОВЬ

Слова подобрались и прозвучали очень точно. Флоре они понравились. Она представила их в облачке, как в комиксах. Хорошо, пусть плывут у неё над головой, даже приятно.

Пусть плывут и прикрывают её от любви.

Мама часто говорит, что Флора – «прирождённый циник».

Флора подозревает, что так оно и есть.

**ОНА ПРИРОЖДЁННЫЙ ЦИНИК И ЖИВЁТ
ВОПРЕКИ КОНТРАКТАМ!**

«Да. Я такая», – думает Флора.

Она снова склонилась над книгой о потрясающем Инкандесто.

Через несколько минут её отвлёк шум.

Даже грохот.

Словно у соседского дома приземлился реактивный самолёт.

– Что за багумбятина? – Флора вылезла из-за стола и посмотрела в окно.

Миссис Тикхем бегала по заднему двору с непомерно большим сверкающим пылесосом.

Э-э, неужели она пылесосит двор?

Кто же в здравом уме пылесосит двор?

Похоже, миссис Тикхем вообще не соображает, что делает.

Но главный в этой паре, скорее, пылесос. И он точно сбрендил. Он или его мотор. Или ещё что-то внутри.

– С катушек слетели, – сказала Флора вслух. – Или резьбу сорвало.

И вдруг она увидела, что миссис Тикхем с пылесосом направляются напрямиком к... белке.

– Стойте! – крикнула Флора.

И забарабанила по стеклу.

– Осторожно! – закричала она. – Вы белку засосёте!

Она произнесла эти слова, а потом вдруг увидела их в облачке у себя над головой.

ВЫ БЕЛКУ ЗАСОСЁТЕ!

Удивительная штука – слова. Их нельзя предвидеть. Ну кто мог подумать, что в один прекрасный день она завопит: «Вы белку засосёте!»?

Впрочем, тут вопи не вопи – всё без толку. Флора слишком далеко. Пылесос воет слишком громко. И он, судя по всему, тот ещё злодей.

– Злодеяние не должно свершиться! – сказала Флора низким, супергероическим голосом.

«Злодеяние не должно свершиться!» – так всегда говорил скромный уборщик Альфред Т. Валкинс перед тем, как превратиться в потрясающего Инкандесто, вспыхнуть ярчайшим потоком света – и помчаться на борьбу с преступлениями.

К сожалению, Альфреда Т. Валкинса рядом не было.

Где же Инкандесто? Он так нужен! Именно сейчас!
Не то чтобы Флора верила в супергероев... Но всё же.
Она стояла у окна. И видела, как белку засосало в пылесос.
У-у-у-ю-ю. Чпок!
– Багумбятина! – выдохнула Флора.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В голове у белки

В голове у белки имеется мозг, но в нём не так много мыслей.

По большей части они посвящены еде.

Мыслительный процесс у белок происходит по одной схеме: *Что бы мне поесть?*

Случаются небольшие вариации типа: *Где пища? Эй, я умираю от голода. Это съедобно? Там найдётся ещё еда?*

Схема срабатывает шесть-семь тысяч раз в день.

Это к тому, что у белки, которую засосал «Одиссей 2000X» на заднем дворе Тикхемов, особенно глубоких мыслей в голове не было.

И, когда к ней с рёвом приближался пылесос, она не думала, допустим: *Вот она, судьба! Мне с ней уже не разминуться!*

Или: *О, пожалуйста, дайте мне ещё один шанс в этой жизни!*

Она думала: *Есть охота.*

И тут раздался ужасный рёв, какая-то сила подняла её в воздух и...

Не стало у неё в голове больше никаких мыслей. Даже о еде.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Смерть белки

По-видимому, даже для могучего, неукротимого домо-уличного «Одиссея 2000Х» это испытание оказалось непосильным. Шутка ли, проглотить белку! Агрегат, подаренный миссис Тикхем на день рождения, подавился и заглох.

Она наклонилась над пылесосом.

Из пылесоса торчал хвост.

– Господи! – воскликнула миссис Тикхем. – За что?

Она опустила на колени и тихонько подёргала хвост.

Встала. Огляделась.

– Помогите, – прошептала она, – я, кажется, убила белку.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Немного о циниках

Флора выскочила из комнаты. Кубарем скатилась по лестнице. На бегу она думала: «Не слишком ли я разволновалась? Я же циник!»

Она выбежала через заднюю дверь.

– Ты куда? – крикнула мама ей вслед. – Флорабелла?!

Флора не ответила. Она никогда не отвечала матери, если та называла её Флорабеллой.

Иногда, впрочем, она не отвечала, даже если мать называла её просто Флорой.

Флора пролетела по некошенной траве до соседского участка и перемахнула через забор.

– Отойдите! – Отодвинув миссис Тикхем с дороги, Флора схватила пылесос. Тяжеленный.

Она подняла его и встряхнула.

Ничего не произошло. Она встряхнула сильнее. Зверёк выпал из пылесоса в траву.

Меха у него изрядно поубавилось. Наверно, мех остался в пылесосе. Выглядел бедолага неважнецки.

Веки у него пару раз подёргались. Пушистая грудка поднялась, опала, снова поднялась... И замерла.

Флора плюхнулась на колени. Приложила палец к беличьей груди.

На задней обложке каждого выпуска *Блистательных приключений потрясающего Инкандесто* всегда

печатали ещё какой-нибудь небольшой серийный комикс – в награду верным читателям. Из этих приложений Флоре больше всего нравился сюжет под названием **ЭТИ УЖАСЫ ГРОЗЯТ ЛЮБОМУ ИЗ НАС**. Будучи циником, Флора считала, что к ужасам надо готовиться заранее. Кто знает, что случится в следующую минуту?

В серии **ГРОЗЯЩИХ НАМ УЖАСОВ** подробно описывалось, что делать, если ты по неосторожности проглотил пластмассовый фрукт (это происходит всё чаще, потому что пластмассовые фрукты очень похожи на настоящие); как выполнить приём Геймлиха престарелой тётушке Эдит, если она подавилась жилистым мясом в дешёвом кафе; как поступить, если ты в полосатой рубашке, а на тебя напала туча саранчи (вообще-то беги со всех ног, потому что саранча жрёт всё полосатое); и конечно же как делать ближнему ИВЛ. Искусственная вентиляция лёгких – наш ответ любым ужасам.

Однако в серии про **УЖАСЫ** ничего не говорилось о том, как делать искусственное дыхание белке.

– Проинтуичу, – сказала Флора.

– Что-что? – Миссис Тикхем совсем растерялась.

А Флора отвечать не стала. Вместо этого она наклонилась и прижалась губами ко рту бельчонка. (Флора сразу же мысленно прозвала зверька бельчком, хотя он был вполне взрослой особью мужского пола.)

Забавный какой вкус!

Если описывать его словами, ну... беличий вкус он и есть беличий: пушистый, влажный, немного ореховый.

– Ты с ума сошла? – спросила миссис Тикхем.

Флора её проигнорировала.

Онадохнула бельчонку в рот. Нажала на крошечную грудную клетку.

И начала считать.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Он возвращается

В голове у бельчонка происходит что-то странное.

Там ведь было уже черно и пусто. И вдруг в эту чёрную пустоту вторгается свет, такой красивый, такой яркий – в пору зажмуриться, отвернуться.

Он слышит голос.

– Что это? – спрашивает бельчонок.

Свет сияет всё ярче.

Голос звучит снова.

– Ну ладно, – говорит бельчонок. – Согласен!

На что именно он соглашается, он не знает, но это не имеет значения. Он совершенно счастлив. Он плывёт в большом озере света, а голос ему поёт. Просто чудо какое-то!

Затем слышится шум.

И другой голос: «Раз-два-три-четыре...»

Свет постепенно бледнеет.

– Дыши! – требует новый голос.

Бельчонок пробует дышать. Коротко, неуверенно. Ещё раз. Ещё.

Бельчонок возвращается.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Как бороться с истерикой

– **В**роде дышит? – произнесла миссис Тикхем.

– Да, – подтвердила Флора. – Дышит.

Её распирало от гордости.

Бельчонок перевернулся на живот. Поднял голову. Взгляд стеклянный, тусклый.

– Господи! – воскликнула миссис Тикхем. – Только посмотри на него!

Она тихонько хихикнула. Покачала головой. Засмеялась погромче. Всё громче и громче. Она смеялась и смеялась. Она так сильно смеялась, что начала дрожать. Клацать зубами.

У неё приступ? Истерика?

Флора попыталась припомнить, что советуют на этот случай в серии **ЭТИ УЖАСЫ ГРОЗЯТ ЛЮБОМУ ИЗ НАС**. Кажется, главное, чтобы она себе сейчас язык не откусила. Как же там говорится? Что-то насчёт палки...

Флора спасла жизнь бельчонку и решила не останавливаться на достигнутом. Теперь она спасёт язык миссис Тикхем.

Солнце уже клонилось к горизонту. Соседка продолжала истерически смеяться.

И Флорабелла Бакмен принялась искать палку на заднем дворе Тикхемов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Возрождение

У бельчонка подкашиваются лапки.

Зато мозг его стал ощутимо больше. Просторнее. Словно там вдруг распахнулись двери, о существовании которых он прежде и не подозревал.

Теперь всё пронизано смыслом, значением, светом.

Однако белка есть белка: *Пожевать бы чего-нибудь!*

КАКИЕ УДИВИТЕЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ
СКРЫВАЮТСЯ В САМОМ МАЛЕНЬКОМ
И САМОМ ОБЫКНОВЕННОМ
СУЩЕСТВЕ!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Полезная информация

Флора и миссис Тикхем заметили происходящее одновременно.

– Белка, – сказала Флора.

– Пылесос, – сказала миссис Тикхем. И перестала смеяться. Они уставились на «Одиссея 2000X» и на бельчонка, который держал пылесос над головой. Одной лапой.

– Не может быть! – воскликнула миссис Тикхем.

Бельчонок встряхнул пылесос.

– Не может быть! – воскликнула миссис Тикхем ещё громче.

– Вы это уже говорили, – отметила Флора.

– Я повторяюсь?

– Повторяетесь.

– Может, у меня рак мозга? – предположила миссис Тикхем.

Может, конечно, и так. Из комикса о **ГРОЗЯЩИХ НАМ УЖА-САХ** Флора почерпнула массу информации. В том числе про опухоли. Оказывается, куча людей живёт с опухолями в мозгах и даже не подозревает об этом. В том-то и трагедия. Сидит в тебе такая гадость, притаилась и ждёт удобного случая. А ты и в ус не дуешь.

В общем, если читать комиксы умеючи, можно узнать много нового и полезного.

А ещё, регулярно читая комиксы (особенно *Блистательные приключения потрясающего Инкандесто*), можно узнать, что невозможное возможно. Оно случается сплошь и рядом. Практически каждый день.

Например, способности героев – супергероев – часто появляются при нелепых и необыкновенных обстоятельствах: от укуса паука, при химических выбросах, тектонических сдвигах или при изменении наклона земной оси. К примеру, Альфред Т. Валкинс стал супергероем после случайного погружения в заводской чан с моющим средством под названием «Инкандесто – трудолюбивый помощник для профессиональной уборки».

– Не думаю, что у вас рак мозга, – сказала Флора. – Напрашивается другая версия.

– Какая? – обрадовалась миссис Тикхем.

– Вы когда-нибудь слышали про Инкандесто?

– Что это?

– Не что, а кто, – поправила Флора. – Инкандесто – супергерой.

– Отлично. И что из этого?

Флора подняла правую руку. И указала пальцем на белку.

– Надеюсь, ты не... Неужели ты ду.. – пролепетала миссис Тикхем.

Бельчонок поставил наконец пылесос на землю. И замер. Он рассматривал людей. Поводил усиками туда-сюда. Усики подрагивали. На голове зверька остались крошки печенья, вытряхнутого из пылесоса.

Обыкновенный бельчонок.

Но вдруг он тоже супергерой? Альфред Т. Валкинс, к примеру, был уборщиком. Окружающие его не замечали, считали пустым местом. А когда замечали, смотрели на него с презрением. Они понятия не имели, что этот невзрачный человечек способен на удивительные подвиги, что в нём таится ослепительный свет...

Только длиннохвостая попугайха Долорес знала, кто такой Альфред и на что он способен.

– Мир его не примет, – сказала Флора.

– Ещё бы, – подхватила миссис Тикхем. – Никто не поверит.

– Тути! – окликнул жену мистер Тикхем. – Тути, ужинать пора!

Тути?

Какое смешное имя.

Флора не удержалась – уж очень ей захотелось произнести это имя вслух.

– Тути, – сказала она. – Тути Тикхем. Послушайте, Тути. Идите домой, кормите мужа. И ничего, ни слова, не говорите о том, что видели. Ни мужу, ни друзьям, никому.

Тути послушно кивнула и забормотала:

– Хорошо. Никому. Накормлю мужа. Хорошо, поняла.

Она медленно побрела к дому.

Мистер Тикхем продолжал взывать:

– Весь участок пропылесосила? И как тебе «Одиссей»? Ты что, хочешь его на улице оставить?

– Одиссей, – прошептала Флора.

Она почувствовала, как по позвоночнику пробежали мурашки. Может, она и прирождённый циник, но от точно выбранного слова сердце у неё затрепетало.

– Одиссей, – повторила она. Наклонилась и протянула бельчонку руку: – Иди сюда, Одиссей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Пылающий мир

Она с ним говорит.

И он её понимает.

Девочка зовёт:

– Иди сюда, Одиссей. Иди ко мне.

И он идёт. Без раздумий.

– Не бойся, – говорит она.

И он ей верит. И сам удивляется. Всё кругом удивительно. Закатное солнце освещает каждую былинку. Оно отражается от девочкиных очков, поджигает её волосы, и кажется, что весь мир пылает.

Бельчонок думает: *Откуда такая красота? Она вдруг появилась? Или раньше я её просто не замечал?*

– Послушай, – говорит девочка. – Меня зовут Флора. А тебя зовут Одиссей.

Ладно, я Одиссей, – соглашается бельчонок.

Она гладит его пальцем, подбирает, усаживает себе на руки, в сгиб локтя.

Какое счастье! Чистое, беспримесное счастье. Почему он всегда так боялся людей? Непонятно...

Нет, на самом деле понятно.

В его жизни случился тот мальчик с пневматическим пистолетом.

И другие неприятные эпизоды были связаны с людьми, не важно, со стрельбой или без. Главное, он помнит их

жестокость и свой ужас. Они-то и разрушили его доверие.
В душу плюнули.

Но сейчас начинается новая жизнь!

Да, он по-прежнему – белка. Но какая-то новая белка. Могучая, сильная, умная и... голодная.

Ужасно хочется есть!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Контрабандная белка

Флорина мама сидела на кухне. Она печатала на старой пишущей машинке. Она так колотила по клавишам, что дрожал кухонный стол, грохотали стопки тарелок на полках, а вилки-ложки тревожно лязгали в ящиках.

Флора считала, что её родители развелись в том числе и поэтому. Нет, не из-за стука клавиш, а из-за самого маминного сочинительства. Короче, из-за любовных романов.

Папа тогда сказал:

– Похоже, мама так любит свои книги о любви, что меня она больше не любит.

А мама сказала так:

– Ха! Твой отец – вечный левый крайний. И настоящую любовь ему распознать не дано. Даже если она родится прямо перед ним, в тарелке с супом, как Афродита из пены морской, и громко запоёт песенку.

На это у Флоры воображения не хватило. Как это – любовь стоит по колено в супе и поёт? Но так уж вычурно изъяснялись её родители. И говорили они конечно же друг с другом, хотя притворялись, будто что-то объясняют Флоре.

Противно, кстати.

– Что ты делаешь? – Мама теперь не выпускает изо рта леденец, поэтому слова у неё получаются шершавые, с острыми краями.

Раньше мама курила, теперь бросила, но ей по-прежнему надо что-то крутить во рту, поэтому она потребляет невероятное количество леденцов на палочке. Сейчас вот явно с апельсиновым ароматом – по запаху понятно.

– Ничего, – ответила Флора и скосила взгляд на бельчонка, сидевшего у неё на руках.

– Хорошо, – произнесла мама. Не поднимая глаз, она резко перевела каретку на следующую строку и снова забарабанила по клавишам. – Ты всё ещё тут? – спросила она и напечатала ещё несколько слов. И снова одним ударом отправила каретку вбок. – Мне книгу сдавать. Я не могу сосредоточиться, когда ты стоишь над душой. И дышишь.

– Могу не дышать, – ответила Флора.

– Не смей, – сказала мама. – Иди к себе, вымой руки. Скоро будем есть.

– Ладно.

Флора прошла мимо мамы в гостиную. Вместе с Одиссеем. Невероятно, но факт. Она протащила белку в дом. Контрабандой. Буквально под носом у матери.

В гостиной, у лестницы, во весь намалёванный рот ухмылялась румяная лампа-пастушка.

Флора пастушку ненавидела.

Мама купила эту лампу с первого гонорара – за самую первую книгу. Называлась книга «На пернатых крыльях восторга». Серьёзно! Более глупого названия Флора в жизни не слышала.

Лампу мама заказала в Лондоне, с доставкой. Распаковала её, включила и захлопала в ладоши, приговаривая:

– О, какая красота! Ах, какая красота! Нет, ты погляди, какая красота! Я люблю её всем сердцем!

Мама никогда не называла Флору красивой. Никогда не говорила, что любит её всем сердцем. К счастью, Флора – циник. Её совершенно не заботит, любит её мама или нет.

– Пожалуй, я назову её Мариан, – сказала мама.

– Мариан? – Флора удивилась. – Лампе нужно имя?

– Да, пастушка Мариан, поводырь сбившихся с пути, – пояснила мама.

– А кто сбился с пути? – поинтересовалась Флора.

Мама до ответа не снизошла...

Сейчас Флора решила показать Одиссею дом.

– Это – лампа-пастушка. Её зовут Мариан. К сожалению, она тоже здесь живёт.

Бельчонок рассматривал Мариан.

Флора тоже уставилась на лампу.

Наверно, это нелепо, но иногда ей кажется, будто Мариан ведомо нечто, что ей, Флоре, неизвестно. Что она скрывает какую-то тёмную и ужасную тайну.

– Ты глупая лампа, – сказала Флора. – Не лезь не в своё дело. Лучше овец своих считай.

Это она съязвила. Потому что вся отара Мариан состояла из одного крошечного ягнёнка. Он лежал в ногах у пастушки, возле блестящих розовых туфель. Флору всегда так и подмывало спросить у лампы: «Если ты такая великая пастушка, где остальные твои овцы, а?»

– Мы можем её игнорировать, – сказала Флора Одиссею. – Это очень просто.

Она отвернулась от сияющей, самодовольной Мариан и с Одиссеем на руках поднялась в свою комнату.

Её бельчонок не сияет, не улыбается, но с ним так тепло и уютно... Даже удивительно!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Гигантский чан Инкандесто

Флора посадила Одиссея на свою кровать. И он сидел там, крошечный-прекрошечный, под светом торшера.

И выглядел... довольно лысым.

– Ох, беда мне с тобой, – вздохнула Флора.

Бельчонок, безусловно, на героя не тянул. Но ведь скромный близорукий уборщик Альфред Т. Валкинс героем тоже отнюдь не выглядел.

Одиссей взглянул на Флору, а потом на свой хвост. Он смотрел на него как будто даже с облегчением. Потом, видимо, чтобы удостовериться, что хвост в самом деле при нём, он обнюхал его сверху донизу.

– Надеюсь, ты меня хоть чуть-чуть понимаешь, – произнесла Флора.

Бельчонок поднял голову. Он смотрел на неё очень внимательно.

– Ого! – сказала Флора. – Похоже, не чуть-чуть, а просто понимаешь. А вот я тебя – нет. В том-то и проблема. Но мы её одолеем. Мы найдём способ общаться, да? Кивни, если понимаешь, что я говорю. Вот так. – И Флора кивнула.

Одиссей кивнул в ответ.

Сердце у Флоры булькнуло и забилось часто-часто.

– Хочешь узнать, что с тобой произошло?

Одиссей поспешно кивнул.

И зачокал по-беличьи.

И снова сердце Флоры заколотилось совершенно нециничным образом. Она закрыла глаза. «Не надейся, – сказала Флора своему сердцу. – Не надейся, просто наблюдай».

«Не надейся, просто наблюдай» – этот совет часто пишут в серии про **ГРОЗЯЩИЕ НАМ УЖАСЫ**. Дело в том, что надежда иногда мешает действовать. Например, у твоей старенькой тёти Эдит застрял в горле кусок мяса, она ни вдохнуть, ни выдохнуть не может, а ты себе говоришь: «Надеюсь, она не подавилась». И на эту надежду уходит несколько драгоценных, спасительных секунд. Которые надо было потратить на ИВЛ.

Флора часто повторяла себе: «Не надейся, просто наблюдай». Будучи циником, она считала этот совет крайне полезным.

– Ну, в общем, так, – произнесла Флора и, открыв глаза, посмотрела на бельчонка. – Тебя засосало в пылесос. Тебя основательно пропылесосило, и теперь у тебя, похоже, прорезались... способности.

Одиссей взглянул на неё с неммым вопросом.

– Ты знаешь, кто такой супергерой? – спросила Флора.

Бельчонок не сводил с неё глаз.

– Правильно, – сказала Флора. – Конечно, не знаешь. Супергерой – это такой человек... такое существо... с особыми способностями. И он использует эти способности для борьбы с силами тьмы и зла. Как Альфред Т. Валкинс, который на самом деле Инкандесто.

Одиссей возбуждённо моргнул. А потом ещё. И ещё.

– Смотри! – воскликнула Флора и схватила со стола комикс *Блистательные приключения потрясающего*

Инкандесто. Она ткнула пальцем в Альфреда в форме уборщика. – Видишь? Это Альфред, он скромный и близорукий, к тому же заика. Он моет полы в страховой компании. Живёт себе поживает в маленькой квартирке один-одинёшенек. Нет, не один, с Долорес. Его попугаиху так зовут.

Одиссей рассмотрел Альфреда и снова взглянул на Флору.

– Отлично, едем дальше, – сказала Флора. – Однажды Альфред отправился на экскурсию на фабрику, где производят моющие средства, и случайно свалился (недаром же он Валкинс, да?) в гигантский чан с «Инкандесто». И тут же переменялся! Теперь, как только возникает опасность или совершается злодеяние, Альфред превращается в... – Флора пролистнула несколько страниц и ткнула пальцем в пылающий столб света. – В Инкандесто! Видишь? Альфред Т. Валкинс становится потоком света, столь яркого, что перед ним пасует самый отвратительный злодей. Дрожит и признаётся в содеянном!

Флора поняла, что говорит очень громко. Почти кричит.

Она посмотрела вниз, на Одиссея. Его глаза были распахнуты. Огромные глазищи на маленькой мордочке.

Флора решила, что спокойствие и разум не помешают. Она понизила голос:

– Превращаясь в Инкандесто, Альфред может осветить самые тёмные углы Вселенной. Он умеет летать. Кроме того, он навещает стариков, помогает им. Вот что значит «супергерой». И я думаю, что ты как раз из этих. По крайней мере, способности такие у тебя имеются. Например, я точно знаю, что ты силач.

Одиссей кивнул. И распушил остатки шерсти на груди.

– Флора! – позвала мама. – Спускайся, ужин готов.

– Интересно, что ты ещё умеешь? – сказала Флора бельчонку. – И если ты действительно супергерой, как ты будешь бороться со злом?

Одиссей наморщил лоб.

Флора присела на корточки. Их глаза были вровень, совсем близко.

– Подумай об этом, – сказала она. – Представь, сколько подвигов мы могли бы совершить вместе!

– Флорабелла! – крикнула мама. – Ты сама с собой разговариваешь! Люди услышат и решат, что ты с ума сошла.

– Я не сама с собой, – прокричала в ответ Флора.

– А с кем же?

– С белкой!

Внизу воцарилась тишина. Надолго.

Затем мать отчеканила:

– Это не смешно, Флорабелла. Немедленно спускайся!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Силы зла

Вернувшись после ужина к себе в комнату, Флора обнаружила Одиссея на собственной подушке – он спал, свернувшись клубочком. Она протянула руку и коснулась пальцем его лба.

Веки бельчонка подёргались, но не открылись.

Она подняла подушку и аккуратно переложила её в изножье кровати. Потом она легла и вообразила, что на потолке, у неё над головой, написано:

*БЕЛЬЧОНОК-СУПЕРГЕРОЙ СТАЛ У НЕЁ В НОГАХ,
ПОЭТОМУ ОНА БЫЛА ВОВСЕ НЕ ОДИНОКА.*

– Да, именно так, – сказала она вслух.

До развода, перед тем как папа перебрался из дома в съёмную квартиру, он часто сидел около неё по вечерам и читал вслух *Блистательные приключения потрясающего Инкандесто.*

Он обожал этот комикс. Больше всего ему нравились эпизоды про Альфреда Т. Валкинса и Долорес. Папа превосходно изображал длиннохвостую попугаиху. «Бумба-багумба! – говорил он голосом Долорес. – Совершенно непредвиденные обстоятельства!»

Долорес произносила эту фразу, когда происходило что-то действительно неожиданное и невероятное. То есть постоянно. Если тебе выпало быть попугаихой потрясающего Инкандесто, захватывающая жизнь обеспечена.

Флора села. Посмотрела на спящую белку.

– Совершенно непредвиденные обстоятельства! – произнесла она.

Получилось даже лучше, чем у папы.

Жаль, что папа давно так не говорит. Он теперь вообще почти всё время молчит. Её отец всегда был грустным, тихим человеком, а после развода стал ещё грустнее и ещё тише. Но Флору это вполне устраивало. Честно. Циники не любят лишней болтовни.

Кстати, Альфред Т. Валкинс тоже был тихим человеком. Например, когда во время экскурсии на фабрику моющих средств он свалился в чан с «Инкандесто», он не проронил ни слова. Даже «ой» не сказал.

Слова, однако, появились над его головой, самые главные слова. Папа так много раз читал их Флоре, что она всё запомнила наизусть.

*ОН – СКРОМНЫЙ УБОРЩИК.
НО ОН ОТВАЖИТСЯ СРАЗИТЬСЯ С СИЛАМИ ТЬМЫ.
ВЫ СОМНЕВАЕТЕСЬ В НЁМ? НЕ СТОИТ.
АЛЬФРЕД Т. ВАЛКИНС ПОСВЯТИТ СВОЮ
ЖИЗНЬ БОРЬБЕ СО ЗЛОМ.
И МИР УЗНАЕТ ЕГО ПОД ИМЕНЕМ ИНКАНДЕСТО!*

Флора снова улеглась. Будь её бельчонок персонажем комикса, какие слова появились бы у него над головой в тот момент, когда его засосало в пылесос?

ОН – СКРОМНАЯ БЕЛКА.

Да, годится.

*НО ОН СКОРО ПОБЕДИТ ЗЛОДЕЕВ ВСЕХ МАСТЕЙ.
ОН ЗАЩИТИТ БЕЗЗАЩИТНЫХ
И ПОДДЕРЖИТ СЛАБЫХ.*

Так, отлично.

МИР УЗНАЕТ ЕГО ПОД ИМЕНЕМ ОДИССЕЙ.

Багумбятина! Того и гляди возникнут непредвиденные обстоятельства! И они с Одиссеем изменят мир. Или совершат подвиг. Или...

– Не надейся, просто наблюдай, – прошептала Флора для самоуспокоения. – Просто наблюдай за белкой.

А потом она уснула.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Пишущая машинка

Он просыпается в темноте. Сердце колотится часто-часто. Что-то произошло. Но что?

Он не может думать.

О чём думать, когда ты ТАК голоден?

Он садится, осматривает комнату. Ага, он на кровати, и тут спит Флора – вот её пятки. Флора посапывает. Вон её круглая голова. Хорошая, любимая.

Но до чего же есть хочется!

Дверь в спальню открыта. Одиссей слезает с подушки, с кровати и выбирается в тёмный коридор. Спрыгивает – ступенька за ступенькой, мимо пастушки.

В доме темно, но на кухне горит свет.

Кухня!

Он поднимает носик. Принюхивается. Ах, какой замечательный, вкусный запах!

Да, ему точно туда!

Он пробегает гостиную, столовую и – шмыг в кухню. Вскрабкивается на столешницу. Вот оно – то, что пахнет! Дутая сырная подушечка! Лежит просто так, одна-одинёшенька, на красной столешнице. Одиссей её тут же съедает. Восхитительно!

А вдруг тут этих подушечек целая куча припрятана?

Он открывает шкафчик. Да! Там и в самом деле стоит огромный пакет. И от него струится тот самый запах.

На пакете золотыми буквами написано красивое слово
СырoМания.

Бельчонок принимается за еду. Он ест. И ест. И ест. На-
конец пакет опустел. Тихонько благодарно рыгнув, Одиссей
оглядывает кухню.

В СУМРАЧНОЙ КУХНЕ
ТРУДИТСЯ СКРОМНЫЙ БЕЛЬЧОНОК.

ОН РАБОТАЕТ МЕДЛЕННО.

У НЕГО ПОДРАГИВАЮТ УСИКИ. ЕГО СЕРДЦЕ ПОЁТ.

МОЖЕТ, ОН БОРЕТСЯ СО ЗЛОМ?

КТО ЗНАЕТ?..

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Белк!

– **Ф**лорабелла Бакмен! Спускайся! Живо!

– Не называй меня Флорабеллой, – пробормотала Флора. И открыла глаза.

Комната залита солнцем. Ей только что приснилось замечательное. Что же это было?

Ей снился бельчонок. В её сне он летел! Простёр вперёд и вширь передние лапки, а хвост развевался сзади, он этим хвостом рулил. Одиссей мчался кому-то на помощь! И выглядел настоящим героем!

Флора села. Посмотрела себе в ноги. На подушке спал Одиссей. И он правда был похож на героя. Он пылал. Как Инкандесто! Только огонь его сиял ещё ярче. Ещё огненнее...

– Ого! Что это? – воскликнула Флора.

Склонившись над Одиссеем, она коснулась его уха. И подняла палец к свету. Сыр. Бельчонок был покрыт сырной пылью.

– Ого, – сказала Флора.

– Флора! – снова позвала мама. – Я не шучу. Спускайся! Живо!

Флора поплелась вниз, мимо отвратительно розовощёкой Мариан.

– Тупая лампа, – прошипела Флора.

– Ну, где ты?! – опять позвала мама.

Флора нехотя ускорила шаг. Даже побежала. Трусдой.

Мама стояла на кухне в банном халате. Стояла, уставившись на пишущую машинку.

– Что это? – спросила мама, кивнув на машинку.

– Твоя машинка, – ответила Флора.

Ну что за бред? Конечно, мама ужасно рассеянная, но не узнать собственную машинку?

– Я знаю, что это моя машинка, – сказала мама. – Ты посмотри на лист, который в неё вставлен. На слова!

Флора наклонилась. Прищурилась. Попыталась осознать. «Белк»?!

– Белк! – произнесла Флора вслух.

Короткое, как выстрел, слово! Не хуже слова «Тути»! Нет, лучше! Смешное, а какое ёмкое! Её сердце восхищённо забилося.

– Читай дальше, – сказала мама.

– Белк! – повторила Флора. – Я. Одиссей. Заново родился.

– Забавляешься? – грозно спросила мама.

– Вовсе нет, – ответила Флора.

Её сердце билось часто-часто. Голова кружилась.

– Сто раз тебе говорила: оставь в покое машинку! – возмущённо начала мама.

– Я не... – начала было Флора в ответ.

– Пойми, я занимаюсь серьёзным делом! Я профессиональный писатель. У меня жёсткие сроки! Нет времени на твои развлекаловки. Кроме того, ты съела целый пакет сырных подушечек.

– Я не... – опять начала Флора.

Мама указала на пустой пакет «СыроМании». А потом снова – на пишущую машинку.

Флорина мама любит указывать. И на всякие вещи, и просто – как жить.

– Ты оставила крошки сыра на всех клавишах. Всё мне тут перемазала. Вообще не уважаешь мой труд. Кроме того, нельзя съедать целый пакет зараз. Это очень вредно. Хочешь растолстеть?

– Я этого не... – сказала Флора.

Но тут на неё накатила новая мысль. И голова закружилась ещё сильнее.

Бельчонок умеет печатать!

Совершенно непредвиденные обстоятельства!!!

– Прости, мамочка, – сказала Флора тоненьким голоском.

– Имей в виду... – начала мама. И подняла палец.

Очевидно, она опять готовилась на что-то указать.

Но тут, к счастью, позвонили в дверь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Электрический стул

Позвонили – это не точно сказано.

Звонок у Бакменов издавал странный звук. С его внутренними органами явно что-то произошло: они искривились, деформировались, перепутались, и вместо приятной мелодии, перезвона или трели по дому теперь раскатывался сердитый вой, от которого тряслись стёкла. Такой звук включают на телевикторинах, когда участники дают неверный ответ.

А Флора, слыша этот вой, всегда представляла электрический стул.

Она, конечно, никогда не видела электрического стула. Может, он и вовсе убивает молча. Но в комиксе **ЭТИ УЖАСЫ ГРОЗЯТ ЛЮБОМУ ИЗ НАС** электрическому стулу был посвящён отдельный выпуск. Никаких практических советов там не давалось, единственная рекомендация заключалась в том, что надо как-то изловчиться и не попасть на этот самый стул. Какие бы звуки он ни издавал. Флоре тот выпуск **УЖАСОВ** показался совсем не полезным. Зря авторы нагнетают.

– Пришёл, – сказала мама. – Он всегда звонит в дверь, чтобы я вновь и вновь чувствовала себя виноватой.

Звонок снова взвыл и вдобавок затрещал.

– Видишь? – сказала мама.

Флора не видела. Вой звонка она, разумеется, слышала, но не понимала, каким образом человек, позвонив в дверь, заставляет другого человека чувствовать себя виноватым.

Смешно.

Впрочем, мама вечно говорит и пишет разные нелепицы. Например, название: «На пернатых крыльях восторга». Будто крылья бывают без перьев...

– Ну что ты стоишь, Флорабелла. Иди открывай. Там твой отец. Он пришёл повидать тебя. Не меня.

Похоронный звон электрического стула взвыл вновь.

– Какой мерзкий звук! – Мама поморщилась. – Что он делает? Лёг он на этот звонок, что ли? Впусти же его!

Флора медленно двинулась через столовую. Она всё никак не могла очухаться от изумления.

Наверху, у неё в комнате, живёт бельчонок, который может одной лапкой поднять пылесос!

Наверху, у неё в комнате, живёт бельчонок, который умеет печатать.

«Багум-бум-бум-бяттина! – подумала Флора и широко улыбнулась. – Скоро у нас начнётся совсем другая жизнь. Станем крушить злодеев налево и направо!»

Звонок снова закричал и зашёлся от воя.

Всё ещё улыбаясь, Флора распахнула дверь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Жертвы затяжной галлюцинации

За дверью стоял не папа.

За дверью стояла Тути.

– Тути Тикхем! – воскликнула Флора.

Тути переступила порог, вошла в гостиную и остановилась. Глаза у неё расширились.

– Что это? – спросила она.

Флора даже не стала оборачиваться. Она знала, на что смотрит Тути.

– Знакомьтесь – маленькая пастушка, – ответила Флора. – Поводырь сбившихся с пути. Не знаю, кого и куда она ведёт. Это мамина лампа.

– Понятно. – Тути покачала головой. – Нубог с ней, с лампой. – Она подошла поближе к Флоре и прошептала: – Где белка?

– Наверху, – прошептала Флора в ответ.

– Я пришла проверить: то, что я помню про вчера, было на самом деле? Или я – жертва затяжной галлюцинации?

Флора посмотрела Тути прямо в глаза. И сказала:

– Одиссей умеет печатать.

– Кто умеет печатать? – растерялась Тути.

– Бельчонок. Он – супергерой.

– Но супергерои не печатают! – воскликнула Тути.

Да, пожалуй, резонное замечание. Флору это тоже тревожило. Неужели умеющий печатать бельчонок сможет бороться со злом? Как он изменит мир?

– Джордж? – окликнула мама из кухни.

– Это не папа! – крикнула ей Флора. – Это миссис Тикхем.

Сначала на кухне повисла тишина, а потом мама вышла в гостиную. По такому случаю она надела на лицо поддельную взрослую улыбку.

– Миссис Тикхем, – сказала она, – какая приятная неожиданность. Чем могу служить?

Тути улыбнулась, тоже поддельно, и ответила:

– Спасибо. Я просто на минутку забежала к Флоре.

– К кому?

– К Флоре, – повторила Тути. – К вашей дочери.

– В самом деле? – Мама удивилась. – Вы пришли к Флоре?

– Я сейчас вернусь, – сказала Флора и устремилась на кухню.

– Какая нестандартная лампа! – сказала Тути у неё за спиной.

– О, вам нравится? – обрадовалась мама.

«Ха!» – подумала Флора.

В кухне она быстро выкрутила лист из пишущей машинки и посмотрела на напечатанные слова. Нет, это не галлюцинация.

– Бу-у-умба-багумба! – выдохнула Флора.

И вдруг в гостиной кто-то вскрикнул. Громко-прегромко.

Флора запихнула лист с напечатанными словами себе за пазуху и побежала в гостиную.

Одиссей сидел на голове у Мариан.

Точнее, ему явно хотелось там сидеть. Но он раскачивался на абажуре и царапал его лапками, чтобы добраться до головы пастушки и до её розовых цветочков. Заметив Флору, он на миг замер, виновато потупился, с надеждой на неё покоился и снова принялся раскачивать лампу взад-вперёд.

– Боже мой! – пролепетала Тути.

– Откуда тут белка?! – возмутилась мама. – Она только что слетела со второго этажа!

– Да, – сказала Тути и многозначительно посмотрела на Флору. – Она летает.

– Мы с миссис Тикхем до смерти перепугались. Даже ахнули.

– Да, – подтвердила Тути. – Мы ахнули. И охнули. Прямо кровь стынет в жилах.

– Если эта белка разобьёт мою лампу, я не знаю, что сделаю! Ей несдобровать. Мариан мне очень дорога.

– Кто такая Мариан? – поинтересовалась Тути.

– Я сниму белку с лампы, – предложила Флора. И протянула руку.

– Не трогай белку! – завопила мама. – Она заразная.

И тут, словно подтверждая мамин запрет и грозя всякими ужасами, взвыл дверной звонок.

Флора, мама и Тути обернулись.

Из-за двери послышался тоненький голос:

– Тётя Тути? Вы здесь?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Пахнет белкой

На пороге стоял мальчик.

Небольшого росточка, со светлыми, почти белыми волосами. Глаза его были скрыты огромными тёмными очками.

На задней странице *Блистательных приключений Инкандесто* регулярно публиковались не только **НАШИ УЖАСЫ**, но и другой комикс под названием *Преступники среди нас*. Там давались очень конкретные советы о том, как никогда, ни при каких обстоятельствах не позволить преступнику себя одурачить. В частности, лучший способ узнать человека – посмотреть прямо ему в глаза.

Флора попыталась посмотреть прямо в глаза этому мальчику, но увидела лишь собственное отражение в тёмных очках.

Она там была размытой коротышкой в пижаме.

– Уильям, – сказала Тути, – я же просила никуда не выходить.

– Я услышал крики, – отозвался мальчик писклявым голосом. – Они вызвали у меня беспокойство. И я поспешил сюда со всех ног. К сожалению, по пути у меня произошло небольшое, но чрезвычайно серьёзное столкновение с каким-то видом кустарника. В итоге я кровоточу. Так мне кажется. Во всяком случае, я уверен, что чувствую запах

крови. Но вас не должно это тревожить. Не реагируйте слишком остро.

– Знакомьтесь, – сказала Тути. – Это мой племянник.

– Внучатый племянник, – уточнил мальчик. – Надеюсь, мне не придётся накладывать швы. Как вы думаете?

– Его зовут Уильям, – сказала Тути.

– Уильям Спивер, – уточнил мальчик. – Я предпочитаю, чтобы меня называли Уильям Спивер. В мире слишком много Уильямов. А я один. – Он улыбнулся. – Рад с вами познакомиться, кто бы вы ни были. Хотелось бы пожать вам руку, но, как я уже отметил, я истекаю кровью. Кроме того, я незрячий.

– Ты зрячий, – сказала Тути.

– Я страдаю от временной слепоты, вызванной травмой, – сказал Уильям Спивер.

Временная слепота, вызванная травмой!

По спине у Флоры побежали мурашки.

Какие только неприятности не происходят с людьми! Ну почему в серии **ГРОЗЯЩИХ НАМ УЖАСОВ** нет отдельного выпуска про временную слепоту, вызванную травмой? И почему там ничего не советуют жертвам затяжных галлюцинаций?

– Я временно ослеп, – повторил Уильям Спивер.

– Какая беда! – воскликнула мама.

– Он не слепой, – сказала Тути. – Но с сегодняшнего дня он будет жить у нас. До конца лета. Вообразите моё удивление и волнение.

– Мне больше негде жить, тётя Тути, – сказал Уильям Спивер. – Вы же знаете. Я вверил себя ветрам судьбы.

– О-о... – Мама на миг онемела и тут же захлопала в ладоши. – Как замечательно! Маленький дружок для Флоры.

– Мне не нужен дружок, – сказала Флора.

– Ну разумеется, нужен, – отрезала мама. Она повернулась к Тути и сказала: – Флора очень одинока. Она с утра до вечера читает комиксы. Я пытаюсь на неё повлиять, но с моей занятостью... я ведь пишу романы... Флора часто предоставлена сама себе. Ей необходимо общение, а то вырастет дикаркой. Чудиком.

– Я не дикарка, и мне никто не нужен, – сказала Флора.

Ну мама даёт! Обозвать её чудиком, когда рядом стоит этот Уильям Спивер. У него же диагноз: чудик из чудиков.

– Я был бы счастлив быть вашим другом, – сказал Уильям Спивер. – Для меня это большая честь. – Он поклонился.

– Как мило, – сказала мама.

– Да уж, – сказала Флора. – Миленько.

– У слепых, даже у временно слепых, превосходное обоняние, – внезапно произнёс Уильям Спивер.

– Пойдём, дорогой, – заторопилась Тути. – Нам пора.

– Должен признаться, здесь необычный запах, пахнет чем-то нехарактерным для сферы обитания человека, – сказал Уильям Спивер. Помолчал, откашлялся и добавил: – Я чувствую запах белки.

Белки! Как же они забыли?

Флора, мама и Тути разом посмотрели на Одиссея. Он по-прежнему сидел на лампе – устроился на маленьком сине-зелёном земном шаре, который находился в центре абажура.

– Это бешеная, больная белка, – сказала мама. – От неё надо избавиться.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Научное приключение

– **Д**авайте я заберу белку! – предложила Тути. – И выпущу на природу.

– Задний двор можно назвать природой весьма условно, – заметил Уильям Спивер.

– Помолчи, Уильям, – одёрнула его Тути и протянула руки к Одиссею.

– Не дотрагивайтесь! – закричала мама. – Только в перчатках. У неё явно какая-то зараза.

– Тогда одолжите мне перчатки, – сказала Тути. – Я сниму белку с абажура, вынесу из помещения и выпущу. Для детей будет весьма поучительно. Целое научное приключение.

– Мне такой подход не кажется очень научным, – сказал Уильям Спивер.

– Ну не знаю, – сказала мама. – С минуты на минуту придет отец моей дочери. Суббота – его день общения с ребёнком. А Флорабелла ещё в пижаме.

– Флорабелла? – повторил Уильям Спивер. – Какое прекрасное, мелодичное имя.

– Да мы быстренько, – примиряюще сказала Тути. – Заодно дети познакомятся.

И мама сдалась.

– Сейчас поищу перчатки, – сказала она.

Так вот и получилось, что теперь они идут домой к Тути. Видимо, знакомиться. Или ещё зачем-то.

Тути натянула выданные мамой перчатки для мытья посуды. Они доходят ей до локтя и пылают ярким, едким, практически радиоактивным розовым цветом.

Руками в розовых перчатках Тути держит Одиссея. За Тути идёт Флора.

А рядом с Флорой идёт Уильям Спивер. Его левая рука лежит на её плече.

– Не возражаете, Флорабелла? – спросил он. – Вас не очень затруднит, если я помещу руку вам на плечо и попрошу быть моим поводырём? Вы доведёте меня до дома тёти Тути? Для незрячего мир – крайне опасное место.

Флора решила не спорить, хотя мир – крайне опасное место даже для тех, кто видит преотлично.

Кстати, об опасностях. Дела-то шли совсем не в том направлении, в каком задумала Флора. Она ведь рассчитывала, что Одиссей будет бороться с опасностями, преступлениями, подлостью, тьмой, предательством, она воображала, как он летит – бумба-багумба! – сквозь мир вместе с нею, Флорой Бакмен! Вместо этого она ведёт временно слепого мальчика через свой собственный задний двор.

Облом.

– Вы уже выпустили белку, тётя Тути?

– Нет ещё, – ответила Тути.

– Почему-то меня не покидает чувство, что за происходящим кроется нечто большее, чем просто возвращение белки в родную для неё среду обитания, – сказал Уильям Спивер.

– Уильям, ты можешь закрыть рот? – спросила Тути. – Мы через минуту будем дома. Ты способен помолчать до дома?

– Разумеется, способен, – сказал Уильям Спивер со вздохом. – В деле «помолчать» я известный профессионал.

Флора усомнилась, но оставила свои сомнения при себе.

Уильям Спивер сжал её плечо:

– Могу я осведомиться о вашем возрасте, Флорабелла?

– Не дави так на плечо. Мне десять лет.

– А мне одиннадцать, – сказал Уильям Спивер. – Должен признаться, меня это несколько удивляет, поскольку я чувствую себя гораздо, гораздо старше. Одновременно я сознаю, что рост и вес у меня гораздо меньше, чем у стандартного одиннадцатилетнего мальчика. Возможно, я даже постепенно уменьшаюсь. Впрочем, не уверен. Травма может задержать рост, но маловероятно, что травма способна повернуть рост вспять.

– А что это была за травма? Отчего ты ослеп? – спросила Флора.

– Я предпочёл бы не обсуждать это сейчас. Я не хочу вас расстраивать.

– Меня невозможно расстроить, – сказала Флора. – Я – циник. Циника не удивляет в людях ничто.

– В моём случае никакой, даже чрезмерный, цинизм не оградит вас от эмоций, – сказал Уильям Спивер.

«Какой он, однако...» В голове у Флоры промелькнуло слово «загадочный». А перед ним естественным образом встало слово «чрезмерно».

– Чрезмерно загадочный, – произнесла Флора вслух.

– Что вы сказали? – спросил Уильям Спивер.

Но тут они как раз подошли к дому Тути и двинулись через задний двор в кухню, где пахло беконом и лимонами.

Тути посадила Одиссея на стол.

– Не понимаю, – сказал Уильям Спивер. – Мы дома у моей тёти, но я до сих пор ощущаю запах белки.

Флора вынула из-за пазухи лист бумаги и вручила его Тути. Она торжествовала. Наверно, так чувствует себя шпион по завершении успешной операции. Даром что Флора стояла в чужом доме в пижаме.

– Что это? – спросила Тути.

– Это – доказательство, что вы не жертва затяжной галлюцинации, – ответила Флора.

Тути взяла лист обеими руками и уставилась на слова.

– «Белк»! – прочитала она.

– Белк? – повторил Уильям Спивер.

– Читайте дальше, – велела Флора.

– «Белк! – ещё раз прочитала Тути. – Я. Одиссей. Заново родился».

– Видите? – сказала Флора.

– Что это доказывает? – спросил Уильям Спивер. – Что это вообще означает?

– Имя белки – Одиссей, – сказала Тути.

– Погодите, – сказал Уильям Спивер. – Вы позиционируете белку Одиссея как автора напечатанных слов?

Позицио... О чём он?

– Да, – твёрдо произнесла Флора. – По-зи-ци-о-нирую.

– Галлюцинация продолжается, – сказала Тути.
– Какая галлюцинация? – спросил Уильям Спивер.
– Про белку-супергероя, – ответила Тути.
– Не сомневаюсь, что вы шутите, – сказал Уильям Спивер.

Одиссей сидел по-беличьи, на задних лапках. И смотрел то на Уильяма Спивера, то на Тути, а потом обращал взгляд к Флоре. И взгляд этот был полон вопросов и надежд.

Флору терзали сомнения. Может, он самая обычная белка? Какие имеются доказательства, что он супергерой? Может, эти слова кто-то другой напечатал? Кроме того, Тути сегодня вполне справедливо заметила, что супергерои не печатают. Они занимаются совершенно другими вещами.

Но тут Флора вспомнила об Альфреде, о том, как никто не знал, что он Инкандесто, никто вообще в него не верил. Верила одна только попугайха Долорес!

Быть может, она, Флора, существует в этой истории для того, чтобы верить в Одиссея?

И кто она в таком случае? Длиннохвостая попугайха?

– Позвольте уточнить, – сказал Уильям Спивер. – Итак, вы, Флора, провозгласившая себя циником, позиционируете белку Одиссея как супергероя?

В голове у Флоры мелькнула знакомая фраза: «Не надейся, просто наблюдай».

Она глубоко вздохнула и решительно отмела этот разумный совет.

– Эти слова напечатал Одиссей, – сказала она.

– Гм-м, – произнёс Уильям Спивер, по-прежнему держась за плечо Флоры. Интересно, почему он не убирает руку? – Позвольте подойти к решению этого вопроса с научной точки зрения. Давайте посадим Одиссея перед компьютером тёти Тути и попросим, чтобы он что-нибудь напечатал.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Случайное «я»?

Он сидит перед клавишами с буквами. Устроено тут всё иначе, не похоже на пишущую машинку Флориной мамы. И бумаги нет. Вместо бумаги – пустой экран. Это хитрое изобретение греет и пахнет каким-то искусственным недобрым теплом.

Зато буквы на клавишах знакомые. И на своих местах.

Флора и Тути стоят совсем рядом, у него за спиной.

И Уильям Спивер, мальчик в тёмных очках, тоже.

Наступил важный момент. Одиссей это прекрасно понимает. Он должен что-то напечатать, от этого что-то зависит. Всё зависит. Он должен сделать это для Флоры.

У него дрожат усики. Он прямо чувствует, как они дрожат. Он видит, как они дрожат.

Что же делать?

Он поворачивается – понюхать свой хвост.

Что он может? Просто быть самим собой. Просто заставить эти буквы честно сказать, что у него на сердце. Просто нажать на эти буквы и открыть всю правду о беличьей душе.

Но в чём она, эта правда?

И что у него на душе?

Он осматривает комнату. За высоким окном – зелёный-зелёный мир и синее небо. Внутри – полки с книгами. Множество полок.

На стене перед клавиатурой висит картина: мужчина и женщина плывут в небе над городом. Они словно зависли в золотистом свете. Мужчина обхватил женщину сзади, поддерживает её, а она тянет руку вперёд, наверно, указывает путь домой. Одиссею нравится лицо женщины. На Флору похожа.

Он смотрит на картину, и внутри у него разливаются тепло и уверенность. Тот, кто это нарисовал, любит летящего мужчину и летящую женщину. Он любит город, над которым они летят. Он любит золотой свет.

И Одиссей тоже любит! Зелёный мир за окном. И синее небо. И круглую голову Флоры.

Его усики больше не дрожат.

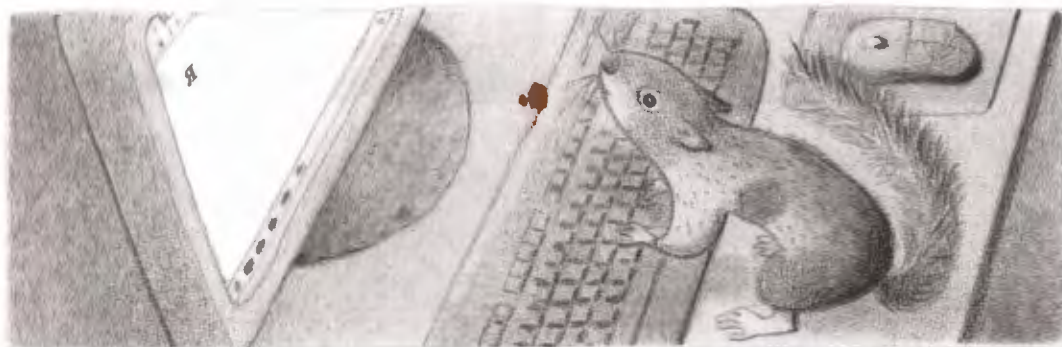
– Что происходит? – спрашивает Уильям Спивер.

– Ничего, – говорит Флора.

– Он замер. Впал в транс, – причитает Тути.

– Тсс, – останавливает её Флора.

Одиссей придвигается к клавиатуре.

БЕЛЬЧОНОК ПЕЧАТАЛ.

ЛЮДИ ЖДАЛИ.

СУДЬБА ВИСЕЛА НА ВОЛОСКЕ...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Что он напечатал

Я люблю твою круглую голову,
сияющую зелень,
задумчивую синеву,
эти буквы,
этот мир, тебя.
Я очень, очень голодный.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Это стихи

Пути лежала на кушетке с пакетом замороженного гороха на голове. Результат падения в обморок.

К сожалению, падая, она ударилась головой о край стола.

К счастью, Флора вспомнила, что **ГРОЗЯЩИЕ НАМ УЖАСЫ** рекомендуют в этих случаях холодный компресс: пакет овощей из морозилки «обеспечит комфорт и предотвратит появление отёка».

– Флорабелла, прочитайте ещё раз, – попросил Уильям Спивер.

Она прочитала ещё раз. Громко.

– Белка написала стихотворение, – удивлённо сказала Тути.

– Придерживайте горох, – велела ей Флора.

– Я не понял конец, – сказал Уильям Спивер. – Про «я-очень-очень-голодный». Что он имел в виду?

Флора отвернулась от компьютера и посмотрела в тёмные очки Уильяма Спивера. В них отражалась она сама, с круглой головой. В пижаме.

– Он имел в виду, что хочет есть. Он не завтракал.

– А-а, – сказал Уильям Спивер. – Ясно. Это не фигура речи. Слова употреблены в их буквальном значении.

Одиссей сидел на задних лапках у клавиатуры. И кивал, надеясь на понимание.

– Это стихи, – сказала Тути с кушетки.

Одиссей выкатил грудь. Чуть-чуть, почти незаметно.

– Нуда, возможно, это стихи, – согласился Уильям Спивер. – Но не великие. Весьма средние.

– Как же всё это понимать? – простионала Тути.

– Почему надо всё понимать? – спросил Уильям Спивер. – Во Вселенной много необъяснимого.

– Ради бога, Уильям... – Тути вздохнула.

Флора почувствовала, как внутри неё что-то встрепенулось. Что же это? Гордость за Одиссея? Досада на Уильяма Спивера? Удивление? Надежда?

Внезапно она вспомнила слова, которые появились над головой Альфреда Т. Валкинса, когда он упал в чан с «Инкандесто»:

- Ты не веришь в него? – спросила Флора.
- Да, у меня много сомнений! – сказал Уильям Спивер.
- А ты верь, – сказала Флора.
- На каком основании? – спросил Уильям Спивер.
- Она посмотрела на него в упор.
- Сними очки, – сказала она. – Покажи глаза.
- Нет, – сказал Уильям Спивер.
- Сними.
- Не сниму.
- Дети, – сказала Тути, – не ссорьтесь.

Кто же такой этот Уильям Спивер?

Да-а, разумеется, он внучатый племянник Тути Тикхем, внезапно (что подозрительно!) поселившийся у неё до конца лета. Но кто он на самом деле? Что, если он персонаж из какого-то комикса? Что, если он злодей, чьи суперспособности иссякли, как только солнечный свет поразил его глаза?

Инкандесто, к примеру, постоянно подвергается атакам своего антагониста. Точнее, антагонистки. Десятитысяче-рукой Тьмы.

На каждого супергероя есть свой антигерой.

Что, если Уильям Спивер – антагонист Одиссея?

– Истина должна восторжествовать! – объявила Флора. И сделала шаг вперёд. И протянула руку, чтобы снять с Уильяма Спивера очки.

Тут до её ушей донёсся мамин голос:

- Фло-о-о-орабе-е-е-елла! Твой отец приехал!
- Флорабелла, – нежно повторил Уильям Спивер.

Одиссей по-прежнему сидел на задних лапках, наострив уши. И посматривал то на Флору, то на Уильяма Спивера.

– Мне пора, – сказала Флора.

– Не спешите, Флорабелла! – тихонько попросил Уильям Спивер.

Флора подняла Одиссея за загривок и сунула за пазуху, под пижаму.

– Я когда-нибудь увижу вас снова? – произнёс Уильям Спивер.

– Кто знает, Уильям Спивер? Что можно предвидеть во Вселенной? – ответила Флора.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Гигантское Ухо

Папа стоял перед открытой дверью, на верхней ступеньке лестницы. В тёмном костюме, при галстуке, в шляпе. Даром что суббота. И лето.

Отец Флоры работал бухгалтером в компании «Флинтон, Флосстон и Фрик».

Флора достоверно не знала, но подозревала, что её папа – самый одинокий человек в мире. Теперь он остался даже без Инкандесто и Долорес. Совсем один.

– Привет, пап, – сказала она.

– Флора! – Папа просиял. И вздохнул.

– Я ещё не готова.

– Ничего. – Папа снова вздохнул. – Я подожду.

Он прошёл с Флорой в гостиную. Сел на диван. Снял шляпу и пристроил её на колене.

– Ты вошёл наконец, Джордж? – крикнула мама из кухни. – Флора с тобой?

– Я здесь! – громко ответил папа. – Флора со мной!

Клацанье пишущей машинки прошило дом, как пулёмётная очередь. В ящиках загрохотали вилки-ложки. Потом наступила тишина.

– Что ты делаешь, Джордж? – закричала мама.

– Я сижу на диване, Филлис, жду дочку! – Папа вздохнул.

Он переложил шляпу с левого колена на правое. Снова на левое.

Одиссей под пижамой у Флоры тоже перелез на другую сторону.

– Какие у вас сегодня планы? – прокричала мама из кухни.

– Не знаю, Филлис! – громко ответил папа.

– Я отлично тебя слышу, Джордж, – сказала мама, входя в гостиную. – Не кричи. Флора, что у тебя под пижамой?

– Ничего, – ответила Флора.

– Это – та белка?

– Нет.

– Какая белка? – спросил папа.

– Не лги мне! – сказала мама.

– Хорошо, – сказала Флора. – Это белка. Бельчонок. Я оставлю его себе.

– Так я и знала. Я поняла, что ты что-то скрываешь. Имей в виду: эта белка больна. Контакт с ней опасен для здоровья.

Флора отвернулась.

За пазухой у неё сидит супергерой. И никого она не станет слушать – ни маму, никого. Выходит заря нового дня! Дня девочки с супергероем!

– Пойду переоденусь, – сказала она.

– Это исключено, Флорабелла. Белка тут не остается.

– Какая белка? – снова спросил папа.

Флора прошла пол-лестницы вверх и остановилась. Замерла. В комиксе ***Преступники среди нас*** говорилось, что тот, кто действительно хочет бороться с преступлениями и превращать злоумышленников в порядочных людей, должен научиться слушать. Очень внимательно, во все уши. «Любое слово, когда бы то ни было произнесённое, правдивое

или лживое, шёпот или крик, – это ключи к механизму человеческого сердца. Слушай! Если хочешь что-то понять, в чём-то разобраться, стань Гигантским Ухом».

Полезный всё-таки комикс *Преступники среди нас*.

Флора всегда следовала таким советам.

Она вытащила Одиссея из-под пижамы и шепнула ему:

– Посиди на плече.

Одиссей взобрался к ней на плечо.

– Слушай, – велела она.

Он кивнул.

Стоя на лестнице с Одиссеем на плече, Флора чувствовала себя храброй и сильной.

– Не надейся, – прошептала она. – Просто наблюдай.

Она глубоко вдохнула, затем выдохнула. И замерла. Она стала Гигантским Ухом.

Бумба-багумба! Флора Гигантское Ухо услышала такое!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Появление антигероя

– **Д**жордж, – сказала мама, – у нас проблема. Твоя дочь прикипела душой к больной белке. Это форма эмоциональной зависимости.

– Как это? – спросил папа.

– Есть белка. – Мама заговорила медленно, точно указывала на каждое слово в отдельности.

– Есть белка, – повторил папа.

– Белка нездоровая.

– Есть нездоровая белка.

– В гараже есть мешок. И лопата.

– Ясно, – сказал папа. – Есть мешок и лопата. В гараже.

В этот момент в гостиной воцарилась долгая тишина. На рушила её мама:

– Я прошу тебя. Надо избавить белку от страданий.

– Как это? – спросил папа.

– Ну что ты тупишь, Джордж?! – воскликнула мама. – Засунь белку в мешок и ударь по голове лопатой.

Папа ахнул.

Флора тоже ахнула. И сама себе удивилась. Так только дамы в маминых любовных романах делают: прижимают руки к груди и ахают.

Но Флора-то не дама. Она циник!

Папа сказал:

– Не понимаю.

Мама откашлялась. И повторила эти страшные, пропитанные кровью слова. Громче. Медленнее.

– Ты засунешь белку в мешок, Джордж. И ударишь белку лопатой по голове. – Она выдержала паузу. – А затем используешь лопату по назначению. Закопаешь белку.

– Засунуть белку в мешок? Ударить белку по голове? – Папа повторял инструкцию срывающимся, отчаянным голосом. – Нет, Филлис. Нет!

– Не «нет», а «да», Джордж, – сказала мама. – Белка больна. Это гуманно.

Флора поняла, что ошиблась. Двигать сюжет в этом комиксе будет отнюдь не Уильям Спивер.

Вот сейчас внезапно всё прояснилось! Картинка, которая до сих пор была не в фокусе, вдруг стала чёткой-чёткой. Все действующие лица на своих местах: Одиссей – по-видимому, супергерой, а Филлис Бакмен – точно антигерой. Антагонист героя. Его Многорукая Тьма.

Совершенно непредвиденные обстоятельства!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Погони, угрозы, стрельба, яд и т. д.

Он потрясён? Нет, как ни странно. Ни в малейшей степени.

Печально, но факт: белку всегда кто-нибудь норовит погубить. Чего только не испытал Одиссей за свою короткую жизнь: и от кошек улепётывал, и от енотов драпал. А стреляли в него сколько! Из духовушки, из рогаток и даже из лука. Стрела-то резиновая, но всё равно больно. На него орали, ему угрожали, травили. Однажды его сбили с ветки мощной струёй из садового шланга – и он летел, летел, летел вверх тормашками. А в другой раз маленькая девочка била его огромным плюшевым медведем, чуть до смерти не забила. И в довершение прошлой осенью его хвост попал под колесо пикапа.

Так что получить лопатой по голове – это в порядке вещей.

Родился белкой – значит, опасности подстерегают тебя на каждом шагу.

А о смерти он вовсе не думает. Он думает о стихах. Тути сказала, что он написал стихи. Он поэт? Красивое слово. Такое короткое, плотное. А ещё есть слово «поэзия». Похоже на «поэт», но ещё лучше: в конце у этого слова прекрасные, чуть загнутые вверх крылья.

Поэзия.

– Не волнуйся, – говорит Флора. – Ты – супергерой. Злодеяние не свершится!

Одиссей цепляется коготками за пижаму Флоры, чтобы не свалиться у неё с плеча.

– Злодеяние, – повторяет Флора.

Поэзия, – думает Одиссей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Ворвань

Сиденья у папы в машине пахли ирисками и кетчупом. Флора сидела сзади, где запах ирисок и кетчупа особенно сгустился. На коленях у неё стояла большая коробка с Одиссеем. Машина даже не стронулась с места, а Флору уже подташнивало. И вообще, ещё утро, а она как-то подустала.

И запуталась.

Ну, например. Вот Одиссей. Устроился себе в обувной коробке и доволен. Хотя прекрасно знает, что в багажнике лежит лопата, а человеку за рулём приказано огреть его этой лопатой по голове. Однако бельчонок ничуть не нервничает. И никого не боится. С виду, во всяком случае. Он выглядит совершенно счастливым.

Так, дальше. Переходим к маме. Именно она дала Флоре коробку от сапог, да ещё сказала: «Здесь твоему маленькому другу будет удобно, мы сейчас ещё тряпку помягче постелем вместо одеяльца». Сейчас мама стоит у двери, улыбается и машет им на прощанье. Одной рукой! Словно она никакая не Десятитысячерукая Тьма. Как будто она не замышляет убийство.

С виду всё совсем не так, как на самом деле.

Флора смотрит на Одиссея. Конечно, он тоже не просто белка. И это как раз радует. Это по-супергеройски.

И вдруг внутри у Флоры словно распрямляется пружина. Пружина веры и надежды. Ха! Её родители даже понятия не имеют, с какой белкой столкнула их жизнь!

Папина машина медленно, задом, выкатилась на улицу.

У дома Тути стоял Уильям Спивер. Лицо его было обращено к небу. Услышав автомобиль, он медленно повернул голову. В очках вспыхнуло солнце.

Появилась Тути. Она махала розовой перчаткой, словно белым флагом. Сдаётся?

– Стойте! – закричала она.

– Жми на газ, – велела Флора папе.

Она не хочет разговаривать с Тути. И она совершенно определённо не хочет разговаривать с Уильямом Спивером. Даже видеть своё отражение в его тёмных очках не хочет. У неё имеются собственные соображения об устройстве и необъяснимости Вселенной. Его рассуждения ей неинтересны.

Кроме того, она спешит. Надо предотвратить убийство, кое-чему научить супергероя, победить злодеев, раздвинуть покров тьмы. Она не вправе тратить время на глупую перепалку с Уильямом Спивером.

– Флорабелла! – окликнул Уильям Спивер.

Он что, мысли читает?

– У меня появились важнейшие соображения! – Он побежал к машине, но споткнулся и упал в кусты. – Тётя Тути, – завопил он. – Помогите!

– Что происходит? – спросил папа, резко нажав на тормоза. – Кто это?

– Это – временно слепой мальчик, – сказала Флора. – И миссис Тикхем, наша соседка. Она – его тётя. Точнее, бабушка. Двоюродная. Ладно, поехали. Они без нас справятся.

Но было слишком поздно. Тути вынула Уильяма Спивера из куста, и они вместе направились к машине.

Уильям Спивер улыбался.

– Здравствуйте, позвольте представиться. Джордж Бакмен, – сказал папа.

Он постоянно всем представляется, даже знакомым. Привычка такая. Человека не переделаешь. Но раздражает ужасно.

– Здравствуйте, сэр, – сказал Уильям Спивер. – Я – Уильям Спивер. Я хотел бы поговорить с вашей дочерью Флорабеллой.

– Мне сейчас некогда, – ответила Флора.

– Тётя Тути, помогите, пожалуйста. Доведите меня до окошка транспортного средства, где сидит Флорабелла.

– Пожалуйста, подождите, – попросила Тути. – Сейчас мы с этим травмированным и крайне невротичным ребёнком обойдём машину, – сказала Тути.

– Конечно, конечно, – поспешно сказал папа. А потом произнёс абсолютно в никуда: – Джордж Бакмен, к вашим услугам.

Флора вздохнула. Посмотрела на Одиссея. Лучше верить в белку, а не в людей. Как-то осмысленнее. Учитывая, какие люди её окружают.

Уильям Спивер уже стоял около дверцы машины.

– Флорабелла, я хотел бы принести вам свои извинения, – произнёс он.

– За что? – спросила Флора.

– Это был не худший стих из тех, что мне доводилось слышать.

– Ага, – сказала Флора.

– Кроме того, я сожалею, что не снял очки, когда вы меня об этом попросили.

– Сними сейчас, – предложила Флора.

– Не могу, – признался Уильям Спивер. – Они приклеены к моей голове силами зла, над которыми я не властен.

– Врёшь ты всё, – сказала Флора.

– Да. Нет. Ладно, вру. Хотя на самом деле не вру. Я гиперболизирую. Я представляю, что очки приклеены к моей голове. – Он понизил голос: – На самом деле я боюсь их снять. Мне кажется, что тогда весь мир расползётся по швам.

– Ну и глупо, – сказала Флора. – Тебе что, волноваться больше не о чем?

– Например?

Флора поняла, что вот-вот скажет Уильяму Спиверу что-то такое, чего говорить вовсе не собиралась. Но даже остановить себя не успела.

– Ты знаешь, кто такой антагонист? – спросила она шёпотом.

– Конечно знаю, – прошептал Уильям Спивер.

– Ну вот, – сказала Флора, – у Одиссея есть антагонист. Это моя мать.

Брови Уильяма Спивера полезли вверх, выше оправы очков. Он был искренне удивлён, даже потрясён, и Флора этому очень обрадовалась.

– Кстати, об Одиссее, – сказала Тути. – Я хотела бы почтить ему стихи.

– Тётушка Тути, вы уверены, что сейчас уместна мелодекламация? – урезонил её Уильям Спивер.

Одиссей по-прежнему сидел в обувной коробке.

Услышав своё имя и слово «стихи», он приосанился. Посмотрел на Тути.

И кивнул.

– Меня очень тронули ваши стихи, – сказала ему Тути.

Одиссей распушил шёрстку на груди.

– И мне вспомнились несколько строк... Я хотела бы их прочесть в ознаменование недавних перемен в вашей жизни. – Тути прижала руку к груди. – Это Рильке, – объявила она.

*Выйдя из замысла, ты ступай
до пределов стремленья, тоски за край:
одеянье мне дай!
Пламенем стой за вещами, сгорай,
чтобы ширилась тень всякой сущности: знай –
я в тени их, незрим, обнаружусь...
Всё случится с тобой: совершенство и ужас¹.*

Одиссей не сводил взгляда с Тути, глаза его пылали.

– «Сгорай, чтобы ширилась тень всякой сущности»! – воскликнул вдруг папа с переднего сиденья. – Очень трогательно! Огромное спасибо. Простите, нам пора.

– Но вы вернётесь? – спросил Уильям Спивер.

¹ Рильке. Часослов. Книга первая. «Об иноческой жизни». (Перевод А. Прокопьева.)

Флора вдруг увидела, как слова Уильяма Спивера зависли над ним в воздухе, как маленький изодранный флаг:

Но вы вернётесь?

– Я не собираюсь на Южный полюс, Уильям Спивер, – ответила она. – Просто раз в неделю я целый день провожу с папой.

Целый выпуск **ГРОЗЯЩИХ НАМ УЖАСОВ** был посвящён поведению на Южном полюсе – на случай, если нас туда случайно занесло. Краткий вывод можно сформулировать в трёх простых словах: питайся тюленьим жиром.

Вообще удивительно, сколько всего способны вынести люди. Флора вспомнила, как покорители Южного полюса питались ворванью – слово-то какое! – то есть попросту тюленьим жиром. Вспомнила и внезапно повеселела. Совершить невозможное и выжить – таков теперь её девиз. Хотя весь мир настроен против неё и Одиссея.

Ничего, они перехитрят Многорукую Тьму! Отменят мешок! Отменят лопату! Вместе они победят, как Долорес и Инкандесто!

– Хорошо, – сказал Уильям Спивер. – Хорошо, что вы не собираетесь на Южный полюс, Флорабелла.

Папа откашлялся.

– Я Джордж Бакмен, – произнёс он. – Весьма рад.

– Я тоже был рад с вами познакомиться, сэр, – сказал Уильям Спивер.

– Вы запомнили слова? – спросила Тути.

– «Сгорай, чтобы ширилась тень всякой сущности», – выпалил папа.

– Я не вас спрашиваю, – оборвала его Тути. – Не вас, а белку.

– Извините. – Папа смутился. – Конечно. Белку.

– Значит, я увижу вас снова, – сказал Уильям Спивер.

– Остерегайся антагониста, – велела ему Флора.

– Я увижу вас снова, – повторил Уильям Спивер.

– Мы едем сражаться со злом, – сообщила Флора, когда они уже отъезжали.

Уильям Спивер стоял на дороге и махал рукой.

– Я увижу вас снова!!!

Он так радовался, что увидит её снова, что Флора не отважилась сказать, что он машет не им вслед, а в противоположном направлении.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Шпионы не плачут

Папа – аккуратнейший водитель. Если представить, что руль – это циферблат, его левая рука всегда лежит на десяти часах, а правая – на двух. Всё по инструкции. Он не сводит взгляд с дороги. И не гонит.

«Скорость – главный убийца автомобилиста, – часто говорит папа. – Скорость и невниманье. Никогда, никогда не отвлекайся за рулём».

– Пап, – окликнула его Флора, – мне надо с тобой поговорить.

– Говори, – сказал папа, не сводя глаз с дороги. – О чём?

– О том мешке. И о лопате.

– О каком мешке? – якобы не понял папа. – О какой лопате?

Всё-таки из её отца получился бы превосходный шпион. Он никогда не отвечает ни на один вопрос. Спросишь его о чём-нибудь, а в ответ – шутка или встречный вопрос.

Например, когда родители разводились, Флорин разговор с папой происходил примерно так:

Флора: Вы с мамой разводитесь?

Папа: Кто говорит, что мы разводимся?

Флора: Мама.

Папа: Она так сказала?

Флора: Она так сказала.

Папа: Интересно, почему она так сказала?

И заплакал.

Шпионы, конечно, не плачут. Но в остальном папа – классический шпион.

– В багажнике лежат мешок и лопата, пап, – сказала Флора.

– Ты уверена? – спросил папа.

– Ты их сам туда положил, я видела.

– Да, верно. Я положил в багажник мешок и лопату.

В комиксе ***Преступники среди нас*** даётся хороший совет: задавай вопросы энергично, с напором, без пауз, в таких случаях люди иногда честно признаются в содеянном, хотя собирались отнекиваться до последнего. Забрасывай собеседника вопросами. Спрашивай больше. Спрашивай быстрее.

– Зачем? – спросила Флора.

– Чтобы вырыть яму, – ответил папа.

– Для чего?

– Чтобы кое-что закопать.

– Что ты хочешь закопать?

– Мешок.

– Зачем закапывать мешок?

– Твоя мама попросила.

– Почему она попросила, чтобы ты закопал мешок?

Папа забарабанил пальцами по рулю. И не сводил взгляд с дороги.

– Почему она попросила, чтобы я закопал мешок? Да, действительно, почему она попросила, чтобы я закопал мешок? Вполне ещё приличный мешок. Эй, послушай. А ты не хочешь чего-нибудь поесть?

– Что?

- Как насчёт пообедать?
- Пап, мы только выехали!
- Или позавтракать? Давай остановимся и перекусим?

Флора вздохнула.

Преступники среди нас советуют: тяни время, медли и всячески запутывай следы, когда имеешь дело с преступником.

Папа-то не преступник. Точнее, не вполне преступник. Но он завербован силами зла. Он вступил в сговор с Многорукой Тьмой. Раз так, может, и стоит потянуть время? Разговор на-прямую неизбежен, но не лучше ли его отложить и сходить в ресторан?

Кроме того, Одиссей голоден, его надо подкормить для грядущих сражений.

– Хорошо, – сказала Флора. – Давай. Давай перекусим.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Мир во всей ароматно-вонючей красе

«**А**орошо. Давай. Давай перекусим».

Какие замечательные слова! – думает Одиссей.

«Давай перекусим».

Это же поэзия!

Бельчонок счастлив.

Он счастлив, потому что рядом Флора.

Он счастлив, потому что слова из стихотворения Тути перетекают из головы в сердце, из сердца в голову.

Он счастлив, потому что скоро дадут еды.

И он счастлив, потому что... потому что счастлив.

Он вылезает из обувной коробки, упирается передними лапками в дверцу и высовывает нос в открытое окно.

Он – белк! Он едет на машине вместе с той, которую любит. А вокруг – лето. Свежий ветерок бьёт в нос, развевает усы.

А сколько запахов он несёт!

Переполненные мусоровозы; свежескошенная трава; нагретый солнцем асфальт; вскопанная глинистая земля, а в ней земляные черви, которые тоже пахнут глиной, а не землёй, хотя эти запахи различить непросто; собака, ещё собака, снова собака (О, собаки! Маленькие собаки, большие собаки, глупые собаки! Самое большое удовольствие в беличьей жизни – дразнить собак!); сильный запах удобрений, слабый запах птичьего помёта, а вот что-то печётся в духовке, а вот повеяло чем-то ореховым (орех пекан, жёлудь?), а вот едва ощути-

мый, виноватый запах мыши («извините-простите-не-обращайте-на-меня-внимания») и безжалостное зловоние кошки. (Кошки ужасны, кошкам нельзя доверять. Никогда!)

Мир со всеми ароматами и вонью, предательством и радостью, со всей пряной остротой жизни нахлынул на Одиссея, прошел его насквозь, наполнил до краёв. Всё имеет запах! Он может ощутить даже запах небесной синевы.

Хочется это запомнить. Записать. Рассказать Флоре. Он оборачивается, смотрит на неё.

– Будь начеку, – велит она ему. – Готовится злодеяние. Одиссей кивает.

В голове звучат слова из стихотворения Тути.

Пламенем стой за вещами, сгорай...

Да, – думает он. – Я так и сделаю. Я вспыхну как пламя, сгорю, а потом всё это запишу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

«Пончик-великан»

– **Б**елку придётся оставить в машине, – сказал папа, когда они въехали на стоянку возле «Пончика-великана».

– Нет, – ответила Флора, – Тут слишком жарко.

– Приоткроем окно, – предложил папа.

– А вдруг бельчонка украдут?

– Думаешь, его могут украсть? – Папа вроде как усомнился, но одновременно, похоже, преисполнился надежд. – Кому нужна белка?

– Преступникам, – ответила Флора.

В серии *Преступники среди нас* часто и с большим пылом говорилось о разнообразных низостях, на которые способен практически каждый человек. Авторы убеждали читателя, что человеческое сердце – тёмная, неподвластная разуму стихия, они сравнивали его с рекой. Прямо так и говорили: «Если ты не поостережёшься, эта река унесёт тебя далеко-далеко, закрутит в невидимых водоворотах, научит потакать своим желаниям, гневу, прихотям и превратит тебя в того самого преступника, которого ты так боишься».

– Человеческое сердце – глубокая, тёмная река с невидимыми водоворотами, – сказала Флора папе. – Преступники повсюду.

Папа забарабанил пальцами по рулю.

– Хотел бы поспорить. Да не могу.

Одиссей чихнул.

– Будь здоров, – откликнулся папа.

– Я не оставлю его в машине, – сказала Флора.

Альфред Т. Валкинс брал свою попугаиху Долорес повсюду, даже в офис страховой компании, где служил уборщиком. «Только с попугаем», – говорил Альфред.

– Только с белкой, – сказала Флора.

Возможно, папа и узнал цитату, возможно, он и вспомнил, как они вместе с Флорой читали про Инкандесто, но он и бровью не повёл. Он просто вздохнул.

– Раз так, бери с собой, – согласился он. – Но коробку крышкой накрой.

Одиссей залез обратно в коробку из-под женских сапог, и Флора послушно накрыла его крышкой.

– Ладно, – сказала она. – Пошли.

Она вылезла из машины и увидела прямо перед собой неоновую вывеску.

«Внутри – пончики-великаны!» – зазывала вывеска. А рядом в неоновой чашке кофе снова и снова исчезал необъятных размеров неоновый пончик.

Всё это происходило само собой. Никакая рука этот пончик не держала. Кто же макает пончик в кофе? Флора задумалась, и по спине у неё забегали мурашки.

А вдруг все мы – пончики? Только и ждём, чтобы нас кто-нибудь обмакнул в кофе.

Такой вопрос мог бы задать Уильям Спивер. Она прямо-таки слышала его голос. Более того, у него нашёлся бы ответ. Вот в этом Уильяму Спиверу не откажешь. У него всегда и на всё есть ответ. Даже противно.

– Послушай, – шепнула Флора обувной коробке. – Ты не пончик, и ты не ждёшь, чтобы тебя кто-то куда-то макнул. Ты – супергерой. Не позволяй себя обмануть или одурачить. Помни о лопате. Следи за Джорджем Бакменом.

Папа тоже вылез из машины. Сунул руки в карманы, побренчал мелочью.

– Вперёд? – спросил он.

«Тяни время! Медли! Запутывай следы!»

– Вперёд, – сказала Флора.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

У-тю-тюшечки

В «Пончике-великане» пахло яичницей, пончиками и одеждой. Как в чужом платяном шкафу. Посетители шумели, смеялись.

Официантка посадила их в угловой закуток и выдала большие глянцевые меню. Флора украдкой (*Преступники среди нас* рекомендуют во всех возможных случаях действовать тайком) сдвинула крышку коробки. Одиссей высунул голову и осмотрел ресторан. Затем он сосредоточился на меню. И выражение его мордочки стало мечтательным-премечтательным.

– Выбирай что хочешь, – сказал папа. – Заказывай чего душа пожелает.

Одиссей вздохнул. Его переполняло счастье.

– Не расслабляйся, – шепнула ему Флора.

Официантка уже встала над ними с блокнотом. И постукала по нему карандашом.

– Что будем заказывать? – спросила она.

На бейджике значилось её имя, крупными буквами с восклицательным знаком: РИТА!

Флора прищурилась. Восклицательный знак намекал на Ритину ненадёжность или, по крайней мере, неискренность.

– Ну, – торопила Рита, – чего желаете?

Волосы у неё были забраны вверх и пышно взбиты. Как у Марии-Антуанетты. Вообще она была похожа на Марию-Антуанетту.

Не то чтобы Флора лично встречалась с Марией-Антуанеттой, но она читала про неё в ГРОЗЯЩИХ НАМ УЖАСАХ, в разделе про Французскую революцию. То немного, что знала об этой королеве Флора, подтверждало, что из неё получилась бы очень плохая официантка.

Флора внезапно вспомнила, что на коленях у неё коробка с бельчонком. Она пригнула пальцем его голову.

– Спрячься, – велела она шёпотом, – но не теряй бдительности.

Она прикрыла Одиссея тряпкой, которую мама положила в коробку.

– Что у тебя там? – поинтересовалась Рита.

– Где? – невинно спросила Флора.

– В коробке. Кукла? Ты с куколкой разговариваешь?

– С куколкой? – возмутилась Флора. И почувствовала, что краснеет.

Ничего себе обвинение! Ей десять лет! Почти одиннадцать! Она умеет делать искусственное дыхание, по-научному ИВЛ. Она знает, как перехитрить антагониста. Ей ведомо, как использовать ворвань. И вообще – она подруга супергероя, его правая рука.

И к тому же циник.

Неужели уважающий себя циник ходит с куколкой в коробочке?

– Нет, – сказала Флора. – Я. Не. Разговариваю. С. Куклой.

– Покажи! – попросила Рита. – Не стесняйся!

Она наклонилась. Волосы Марии-Антуанетты защекотали Флоре подбородок.

– Не покажу, – сказала Флора.

– Джордж Бакмен, – встрепенулся папа. – Рад знакомству.

– У-тю-тюшечки, – проворковала Рита над коробкой.

Флора почувствовала, что надвигается неизбежное.

Медленно, очень медленно Рита ткнула карандашом в угол коробки. Медленно приподняла край тряпки. Тряпка медленно отогнулась... и показалась усатая мордочка Одиссея.

– Я – Джордж Бакмен, – сообщил папа погромче. – К вашим услугам.

Рита заголосила. Она кричала долго, громко, неистово.

Одиссей голосил в ответ.

А потом он взял – и выпрыгнул из коробки.

До этого момента всё происходило очень медленно.

Но едва бельчонок взвился в воздух, время вздрогнуло и полетело вперёд с удвоенной скоростью.

«Ага! – подумала Флора. – Пробил час Инкандесто!»

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Глаза как солнышки!

Никогда в жизни ему не было так страшно. Никогда. Лицо женщины чудовищно. Её волосы чудовищны. Даже слово на её бейджике (РИТА!) кажется ему чудовищным.

Успокойся, твердит он себе, пока она тычет в коробку карандашом. И он держится, держится из последних сил.

Но тут она как завопит!

И невозможно, абсолютно невозможно не ответить на её длинный, пронзительный вопль своим таким же. Длинным и пронзительным.

Она вопит. Он вопит.

И все его естественные звериные инстинкты подсказывают: не раздумывай, спасайся бегством. И он пытается бежать. Однако, выпрыгнув из коробки, он оказывается не там, где хотел оказаться, не на свободе, а в этом чудовищном вороньем гнезде на голове у Риты. У неё в волосах.

Рита подпрыгивает. Хватается руками за голову. Беспорядочно бьёт себя, пытаюсь ухватить его, стряхнуть. Но чем сильнее она дубасит себя по голове, чем выше прыгает, тем отчаяннее цепляется за её волосы бельчонок.

Так вот и танцуют Рита с Одиссеем по всему «Пончику-великану».

– Что происходит? – кричит кто-то из посетителей.

– У неё волосы горят! – отзывается другой.

И мне помогите, – думает Одиссей, – мне тоже помогите!

Только мужчина с ножом не намерен ему помогать, это точно.

И вдруг Одиссей слышит голос Флоры. Видеть он её не может, потому что Рита крутится по залу, как сбесившаяся юла, и перед его глазами всё сливается в одну размытую картинку, все лица становятся одним лицом, все вопли одним воплем.

Но голос Флоры он отличит всегда. Ведь это голос человека, которого он, Одиссей, любит. Надо сосредоточиться. Надо понять, что она говорит.

– Одиссей! – кричит она. – Одиссей! Помни, кто ты!

«Помни, кто ты»?

А кто я?

Флора словно слышит этот невысказанный вопрос. И отвечает:

– Ты – Одиссей!

Это точно, я Одиссей.

– Действуй! – кричит Флора.

Отличный совет. Флора абсолютно права. Он Одиссей, и он должен действовать.

Мужчина с ножом направляется к Рите.

Одиссей ослабляет хватку, отцепляется от её волос. И снова прыгает. На сей раз им движет не инстинкт, а намерение и цель. Он прыгает со всей силы.

Он летит.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Совершенно непредвиденные обстоятельства

Одиссей пролетел над Флорой, хвост его развевался, передние лапки были простёрты вширь и вперёд. Точно как в её сне! Одиссей – невероятно, бесспорно героический герой. Её герой.

– Багумбятина! – выдохнула Флора.

Она встала на стул, чтобы видеть происходящее поверх голов и перегородок.

Инкандесто превращался для полёта в блестящую полосу света, он испарывал ею тьму мира и мчался кому-то на помощь, а Долорес всегда летела рядом, давала ему мудрые советы и всячески поддерживала.

Флора точно не знала, куда и зачем летит Одиссей, и подозревала, что он пока этого тоже не знает. Но он летел.

– Я Джордж Бакмен, – прошептал папа. – Весьма рад.

А ведь она совсем о нём позабыла. Папа тоже смотрел на Одиссея. И улыбался! И улыбка его была не печальная, а счастливая.

– Папа! – окликнула Флора.

И тут Рита громко крикнула, видимо, чтобы сориентировать спасателей:

– Оно сидело у меня в волосах!

Кто-то бросил в Одиссея пончик.

Чей-то малыш заревел во весь голос.

Флора вылезла из закутка и встала рядом с папой. И сжала его пальцы.

– Совершенно непредвиденные обстоятельства, – сказал папа голосом Долорес.

Давно же она не слышала от него этих слов.

– Белку зовут Одиссей, – шепнула она папе.

Он взглянул на неё. Вздёрнул брови.

– Одиссей, – повторил он. И покачал головой. А потом рас-
смеялся. Коротко, но внятно: – Ха. – И подольше: – Ха-ха-ха.

У Флоры ёкнуло сердце.

«Не надейся», – урезонила она своё сердце.

И вдруг заметила, что повар прыгает и размахивает ножом, пытаясь достать до летящей белки.

Она посмотрела на папу. И сказала:

– Злодеяние не должно свершиться. Верно?

– Верно, – отозвался папа.

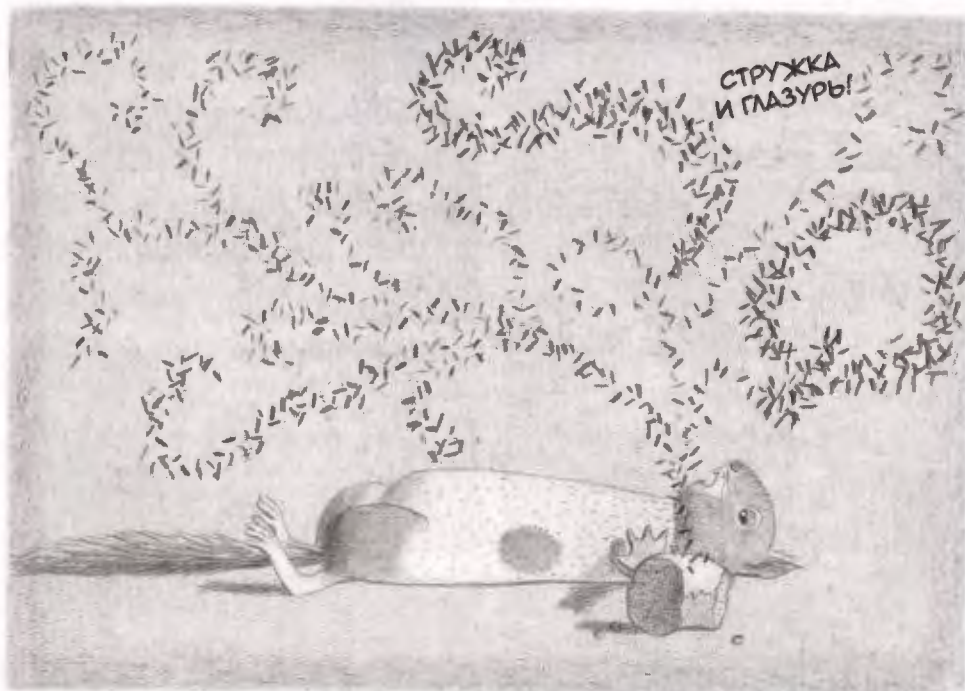
И раз папа согласился, Флора со спокойной совестью под-
ставила повару подножку.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Стружка и глазурь!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Зуд – признак бешенства?

Тлаза у него были закрыты. На лбу – кровь. Из **ГРОЗЯЩИХ НАМ УЖАСОВ** Флора знала, что любая рана головы – не важно, лёгкая или серьёзная, – даёт сильное кровотечение.

– Если голову поранить, кровь хлещет всегда, – сказала она папе. – Не паникуй.

– Не буду, – согласился папа. – Вот, может, пригодится? – Он отдал ей свой галстук.

Флора плюхнулась на колени. Всё повторяется, всё. По-французски это называется дежавю. Только вчера она точно так же склонялась над телом неизвестной белки на соседском дворе.

– Одиссей? – шепнула она. И промокнула кровь галстуком. Бельчонок глаз не открыл.

Наступила жуткая тишина. Всё замерло в «Пончике-великане», все затаили дыхание – и плита, и люди, и пончики, и холодильник, и папа...

Флора знала, что сейчас будет. В **УЖАСАХ** написано и про это. Называется: затишье перед бурей. Воздух замирает перед штормом. Смолкают птицы. Мир ждёт.

Затем начинается шторм.

В «Пончике» тоже всё замерло, затаилось. И вдруг кто-то в зале произнёс:

– По-моему, это была крыса.

– Но она летала, – возразил другой голос.

– Оно было в моих волосах, – сказала Рита.

Снова возник повар с ножом и закричал:

– Я вызываю полицию! Немедленно!

За ним подскочила Рита:

– Не полицию, Эрни. «Скорую»! Срочно! У меня бешенство. Оно вцепилось мне в волосы.

– А ты, – сказал Эрни, указав на Флору ножом, – ты мне подножку подставила.

– Да, она, точно, – подтвердила Рита. – Она сюда эту живность и притащила. И наврала, что в коробке кукла.

– Я не врала, – сказала Флора. – Вы сами решили, что кукла. Сами виноваты.

Преступники среди нас подсказывают, что преступников иногда надо заставить обороняться, и в ход для этого можно пустить всё, даже «клевету или заведомо не соответствующие действительности комментарии. Несправедливость предъявленных обвинений может ошеломить и остановить преступников».

Похоже, сработало.

Рита часто-часто заморгала. Открыла рот. Закрыла рот.

– Я виновата? – пролепетала она.

Флора склонилась над Одиссеем и приложила палец к его груди. Сердце бьётся. Медленно, задумчиво, но – бьётся. Какое счастье!!! Её собственное сердце, которое билось, наоборот, слишком быстро, стало потихоньку успокаиваться. Вскоре сердца их бились уже размеренно, в унисон: тук-тук, тук-тук, тук-тук.

«Одиссей, – говорило её сердце. – Одиссей».

– Всё! Вызываю полицию, – сказал Эрни.

– Я Джордж Бакмен! – крикнул папа. – Рад знакомству. По какому поводу вызываем полицию?

– Ну, во-первых, – начала Рита, – оно вцепилось мне в волосы.

– Думаете, надо срочно уведомить полицию, что вам на голову прыгнула белка? – спросил папа.

Этот простой вопрос мгновенно высветил всю глупость, весь идиотизм ситуации. Какой же папа молодец! Как ей повезло с папой! Флора подняла Одиссея и устроила его у себя на руках.

– Ваша белка заразная. У меня уже начинается бешенство, – сказала Рита. – Живот зудит.

– Зуд – признак бешенства? – уточнил папа.

– Я всё же позвоню кое-куда, – сказал Эрни. – Эта девица мне подножку поставила.

– И куда же «кое-куда» вы позвоните? Кто у нас занимается подножками? – спросил папа. И открыл боковую дверь. И жестом показал Флоре: на выход.

Она вышла.

Дверь за ними закрылась. Они оказались в переулке.

– Бежим! – сказал папа.

Они побежали.

И вдруг папа начал хохотать. Не просто «хи-хи» или «ха-ха», а настоящее «у-а-ха-ха». И он не мог остановиться.

«Истерика», – подумала Флора.

Она знала, что делать. Папу надо шлёпнуть, да посильнее. К сожалению, сейчас на это не было времени. Сначала надо добраться до машины.

Всю дорогу до машины папа хохотал. И, сев в машину, хохотал.

И, положив руки на руль, на десять и два, хохотал. Он хохотал, выезжая со стоянки. И когда «Пончик-великан» остался далеко позади, папа продолжал хохотать.

Он прервался только на мгновение – чтобы прокричать «багумба!» голосом длиннохвостой попугаихи Долорес.

И снова засмеялся.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Беглецы

Они, конечно, спасались бегством, но довольно неспешно. Папа хохотал, изображал попугаиху, но у него и в мыслях не было хоть чуточку прибавить скорость.

Флора то и дело оглядывалась – проверяла, нет ли на хвосте полицейских. Или Риты с Эрни.

Когда она наконец посмотрела на Одиссея, глаза его по-прежнему были закрыты, и её пронзило страшное подозрение.

– А вдруг у него сотрясение мозга?

Папа продолжал хохотать.

Флора попыталась вспомнить, что говорится про сотрясение мозга в комиксе **ЭТИ УЖАСЫ ГРОЗЯТ ЛЮБОМУ ИЗ НАС**. Кажется, надо предложить человеку, получившему травму головы, прочитать свой любимый детский стишок. И тут же станет понятно, заплетается ли у него язык, насколько членораздельна речь и так далее.

А с белкой-то что делать? Говорить Одиссей не умеет. Кроме того, он вряд ли знает наизусть детские стихи.

На голове у него виднелся небольшой порез, но кровь уже не шла, и дышал он тихо и ровно.

– Одиссей? – позвала она.

И тут она ясно вспомнила главную заповедь из **ГРОЗЯЩИХ НАМ УЖАСОВ**: ни в коем случае не давайте спать пациенту, у которого предполагается сотрясение мозга.

Она чуть потрясла бельчонка. Глаза его остались закрытыми. Она потрясла его сильнее, и он приоткрыл глаза, но тут же закрыл их снова.

Сердце у Флоры заколотилось и – куда-то упало. В таких случаях говорят: ушло в пятки. Короче, она ужасно перепугалась.

– А супергерои умирают? – спросила она.

Папа прекратил смеяться.

– Этому мы умереть не позволим, – сказал он.

Сердце у Флоры снова заколотилось, но уже не от страха. В ней очнулась надежда.

– Значит, ты не будешь бить его лопатой по голове? – спросила она.

– Не буду, – ответил папа.

– Никогда?

– Никогда.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Папа смотрел на неё через зеркало заднего обзора. Флора тоже смотрела ему в глаза – через зеркало.

– Давай тогда поедem к тебе, – решила она. – Там он будет в безопасности.

Услышав эти слова, Джордж Бакмен снова начал смеяться. Истерически. Без остановки.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Запахи страха

Через холл многоквартирного дома Бликсен-армс папа никогда не шёл степенно. Он бежал, опрометью.

И Флора вместе с ним. Даже сегодня, с белкой на руках. А у белки, между прочим, было подозрение на сотрясение мозга.

Флора и Джордж Бакмен бежали, потому что у владельца и управляющего Бликсен-армс по имени мистер Клаус имелся огромный злющий рыжий кот, которого тоже звали Мистер Клаус. Кот Мистер Клаус бродил по всем коридорам и без зазрения совести пёрсал на все коврики. А ещё его иногда тошнило. Тоже на коврики или на лестницу.

У Мистера Клауса имелись и другие омерзительные привычки. Например, он частенько поджидал людей, притаившись в полумраке холла, и, едва жилец выходил из своей квартиры или, наоборот, входил в подъезд или даже спускался в подвал – в прачечную, кот внезапно выпрыгивал и набрасывался на ноги жертвы: кусал их, царапал, громко рыча или, как ни странно, мурлыча.

Папа вечно ходил исцарапанный.

– Кошки чувствуют запах твоего страха! – крикнула Флора на бегу. – Это научный факт.

Она читала о страхе в **УЖАСАХ**: «Страх имеет запах. Запах страха подстёгивает хищника».

Папа, хохоча, бежал впереди. Неужели этот смех никогда не кончится?

Будь у Флоры больше времени, она бы непременно спросила:

– Да что, в конце-то концов, такого смешного?

Но ей некогда.

Надо спасать белку.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Удивление. Гнев. Радость!

Флора разглядывала табличку на квартире под номером 267. Красивая, деревянная, или как бы деревянная, с белыми буквами:

ЗА ЭТОЙ ДВЕРЬЮ –
ДОКТОРА МИШАМ!

Зачем писать «за этой дверью»? Понятно же, что люди живут внутри, а не снаружи. И почему «докторá»? Их много? И для чего восклицательный знак? Что он выражает?

Удивление? Гнев? Радость?

Ведь именно для этих эмоций нужны восклицательные знаки. А здесь просто живёт человек. Точнее, люди. Голый факт, никаких эмоций. Не считая, конечно, удивления, которое остановило Флору перед этой табличкой так надолго.

И радости. Рядом есть врач!!! Можно даже три восклицательных знака поставить.

– На что ты уставилась? – спросил папа.

Он уже достал свой ключ и, по-прежнему хихикая, открывал дверь квартиры 271.

– Тут доктора живут! – сказала Флора.

– Доктор Мишам, – подтвердил папа.

– Я попрошу доктора помочь Одиссею, – продолжила Флора.

– Превосходная идея, – согласился папа. Он отпер свою дверь. Посмотрел налево-направо. – Не теряй бдительности. Тут где-то бродит Мистер Клаус! – крикнул он, ныряя в квартиру. – Я сейчас!

Он хлопнул дверью ровно в тот момент, когда Флора подняла руку – постучать в квартиру 267.

Но постучать она не успела.

Дверь распахнулась сама. На пороге стояла старушка. Она улыбалась во всю ширь белоснежных зубных протезов, которые в сумраке прихожей белели особенно ярко. В квартире кто-то орал во весь голос. Нет, пел. Оперу. Оперную арию.

– Наконец-то, – сказала старушка. – Я так рада видеть твоё личико!

Флора принялась озираться. Кому обращены эти слова?

– Я с тобой говорю, цветик-семицветик.

– Со мной? – Флора опешила.

– Конечно! Ведь ты – Флорабелла. Флора – это мир цветов. А Белла – прекрасная, красавица. Ты – прекрасный, любимый цветочек своего папочки, мистера Джорджа Бакмена. Входи же, входи!

– На самом деле мне нужен доктор, – сказала Флора. – Тут чрезвычайная ситуация.

– Конечно, конечно, – сказала старушка. – Мы всегда готовы к чрезвычайным ситуациям! Ты, главное, входи скорее. Я так долго тебя ждала.

Она протянула руку и втащила Флору через порог в квартиру 267.

В серии *Преступники среди нас* приводится много советов о том, как – если уж тебя туда занесло – вести себя в доме незнакомца. Во-первых, надо понимать, что это рискованно. Во-вторых, если ты по какой-то причине на этот риск идёшь, надо непременно оставить дверь открытой. Чтобы иметь возможность выйти. В любой момент.

Старушка втащила Флору в квартиру и – захлопнула дверь.

Оперная музыка сотрясала стены.

Флора посмотрела на морщинистую, в бурых крапинках руку, сжимавшую её локоть.

«Я – любимый цветочек своего папочки?»

Флора задумалась.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Пение с ангелами

Очнувшись, он видит перед собой глаз. Гигантский слезящийся глаз.

Так, сморгнѐм. Хм. Глаз никуда не делся. Как же болит голова! Гигантский глаз красив и гипнотически притягателен. Похож на маленькую планету, на целый печальный и одинокий мир.

Одиссей не в силах отвести взгляд.

Он смотрит прямо в глаз. Глаз смотрит в него.

Может, он уже умер? Может, его всё-таки огрели лопатой по голове?

Кто-то поёт. Не пора ли испугаться? Нет, страха он не ощущает. За последние сутки с ним столько всего происходило, что в какой-то момент он перестал даже волноваться. Вот и сейчас ему всё интересно и ничуть не страшно.

Если он умер... это... ну, в общем, тоже занятно.

– Зрение-то у меня неважноецкое, – говорит голос. – В детстве, в Бландермицене, я читала любую вывеску раньше, чем взрослые эту вывеску видели. Пользы, кстати, от этого никакой. Кому нужно всё ясно видеть? Иногда полезнее не видеть. Целее будешь. В Бландермицене и вывески-то частенько ввали. Ну и какой смысл враньё читать, я тебя спрашиваю? Об этом у меня припасена другая история. Я тебе потом расскажу. Так что лупа в моей жизни не последнее дело. Очень помогает. Да-да. Теперь вижу. Зверёк вполне жив, вполне.

– Я знаю, что он жив, – говорит голос. – В этом даже я разбираюсь.

Флора! Флора здесь, со мной! Уф, от сердца отлегло.

– Так-так... Да... Понятно. Это – белка.

– Господи, что я, не знаю?! – восклицает Флора. – Конечно, белка.

– Только какая-то облезлая, – продолжает голос.

– А какой именно вы доктор? – спрашивает Флора.

Меж тем другие голоса в комнате продолжают петь. Их песни полны печали, любви и отчаяния. Но тот голос, что исходит от гигантского глаза, шелестит совсем близко, перекрывая все звуки.

Одиссей пытается встать.

Ласковая рука укладывает его обратно.

– Я доктор Мишам, доктор философии, – отвечает голос. – Мой муж, другой доктор Мишам, был врач, доктор медицины. Но он ушёл в мир иной. Это, разумеется, эвфемизм. Он умер. То есть покинул наш земной мир. Он теперь в другом месте, он поёт с ангелами. Это, разумеется, тоже эвфемизм – петь с ангелами. Как думаешь, почему так трудно избежать эвфемизмов? Они слетают с языка первыми, всегда, потому что мы пытаемся смягчить жёсткие слова. Скрасить жизнь. Так. Начну-ка я сначала, без эвфемизмов. Другой доктор Мишам, который был врачом, умер. И я надеюсь, что он где-нибудь поёт. Возможно, из Моцарта. Но никто на самом деле не знает, где он и что делает.

– Но мне-то нужен доктор-врач! – восклицает Флора. – У Одиссея, скорее всего, сотрясение мозга!

– Ш-ш-ш, спокойно. Ну что ты так разволновалась? Есть причина? Почему ты думаешь, что у него сотрясение?

– Он врезался в дверь, – отвечает Флора. – Головой в дверь.

– В дверь?! Да, от этого случаются сотрясения. В детстве, в Бландермицене, люди частенько получали сотрясения. Сама понимаешь. Подарки от троллей.

– Подарки от троллей? – повторяет Флора. – О чём вы? Посмотрите на него! Как думаете, у него сотрясение?

Гигантский глаз придвигается ближе, намного ближе. Глаз изучает Одиссея. Поют красивые голоса. Воркует доктор Мишам. Одиссей чувствует странное умиротворение. Даже если на этом его жизнь закончится, не так плохо закончить её под гигантским глазом, слушая воркование доктора Мишам.

– Зрачки у него не расширены, – говорит доктор Мишам.

– Ой, да! – восклицает Флора. – Я совсем забыла про этот признак.

– Что ж, это хорошо. Это обнадеживает. Теперь надо проверить на амнезию. Помнит ли он, что произошло?

Вот оно наконец – лицо Флоры! Как приятно видеть её круглую голову!

– Одиссей, – говорит она, – ты помнишь, что произошло? Помнишь, что случилось в «Пончике-великане»?

Помнит ли он, как приземлился в воронье гнездо в волосах у Риты? Помнит ли он, как она вопила? Помнит ли повара с ножом? Помнит ли, как летел? Как врезался головой в дверь? Как не успел попробовать пончик? Конечно да! На все вопросы. Считаем: да, да, да, да, да. И – да.

Он кивает ровно шесть раз.

– Ну надо же! – Доктор Мишам радуется. – Он тебе кивает. Он с тобой общается.

– Да, он... особенный, – говорит Флора. – Незаурядная белка.

– Превосходно! Отлично! Да я и сама вижу!

– С ним кое-что произошло...

– Уже знаю – он врезался головой в дверь.

– Нет, ещё раньше, – говорит Флора. – Его пропылесосили. Точнее, его засосало в пылесос.

Повисает тишина. Но недолгая – потому что снова льётся воркование доктора Мишам. Одиссей пытается встать, и его опять мягко возвращают обратно.

– Это эвфемизм? – спрашивает доктор Мишам. – В переносном смысле?

– В самом буквальном! – отвечает Флора. – Его засосало в пылесос, и с тех пор он изменился.

– Конечно, изменился! – говорит доктор Мишам. – Не каждую белку чистят пылесосом. – Она подносит лупу к глазам и снова наклоняется над Одиссеем. – Как именно он изменился? Поясни, пожалуйста.

Одиссей встаёт на все четыре лапки, и никто не укладывает его обратно.

– Только говори без эвфемизмов, – просит доктор Мишам.

– У него проявились особые способности, – отвечает Флора. – Он очень сильный. И он умеет летать. – Она смолкает, а потом добавляет: – Кроме того, он печатает. Он пишет... сочиняет стихи.

– Печатает? На машинке? – восхищается доктор Мишам. – И стихи пишет? И летает?!

– Его зовут Одиссей.

– Это важное имя в истории и культуре.

– Так назывался пылесос, который его чуть не убил.

Доктор Мишам смотрит в глаза Одиссею. Прямо в глаза.

Такое редко случается – чтобы кто-то посмотрел белке прямо в глаза.

Одиссей выпрямляется. И не отводит взгляд.

– Среди его особых свойств есть ещё одно, очень ценное, – говорит доктор Мишам. – Он явно понимает всё, что ему говоришь. – Затем она снова поворачивается к Одиссею: – А животик у тебя не болит?

Одиссей качает головой. Доктор Мишам довольна.

– Хорошо. Думаю, никакого сотрясения у Одиссея нет. Порез есть, да, а в остальном всё прекрасно! Отлично! Замечательно! И он, наверно, хочет есть.

Одиссей кивает. Много раз.

Да, да! Он очень голоден. Он хочет яичницу-глазунью. Глаза-солнышки.

И пончик хочет. Со стружкой и глазурию.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Бездонная тьма

– **С**адись-ка ты на диванчик, послушай Моцарта, – сказала Флоре доктор Мишам, – а я пойду сделаю всем бутерброды.

– А как же папа? – вдруг опомнилась Флора. – Наверно, надо сказать ему, где я?

– Мистер Джордж Бакмен знает, где ты, – ответила доктор Мишам. – И знает, что тебя тут в обиду не дадут. Так что всё хорошо. Всё преотлично. Устраивайся вот на этом диванчике, он, кстати, набит конским волосом.

Доктор Мишам ушла на кухню, а Флора обернулась – посмотреть на диванчик, который оказался диванищем. Она послушно уселась и тут же начала сползать – медленно, очень медленно, но неуклонно.

– Ничего себе! – сказала Флора, плюхнувшись на пол.

Она взобралась обратно на диван и решила, что удержится во что бы то ни стало. Вытянула вперёд ноги, упёрлась руками в сиденье по бокам и почувствовала себя огромной неуклюжей куклой. А ещё она вдруг поняла, что очень, просто ужасно устала. И совершенно растеряна.

«Вдруг у меня шок?» – подумала Флора.

В **НАШИХ ЕЖЕДНЕВНЫХ УЖАСАХ** есть выпуск про шоковые состояния, там перечислены все симптомы, но Флора не могла вспомнить ни единого.

Неужели неспособность вспомнить симптомы шока и есть самый главный симптом?

Она посмотрела на Одиссея. Он по-прежнему сидел на столе. И тоже выглядел растерянным.

Она помахала, он кивнул и зачокал в ответ.

Тут она заметила, что на стене, прямо против дивана, висит картина. И изображена на ней только темнота. Без конца и края. И без дна.

«Бездонная тьма». Это сочетание слов часто упоминается в *Преступниках среди нас*. Зачем художнику понадобилось так рисовать?

Флора сползла с дивана и подошла поближе к картине. В самой середине бездонной тьмы проступал контур крошечной лодки. Она плыла по чёрному-чёрному морю. Флора взгляделась. Лодку что-то обволакивало, какая-то тень... С щупальцами!

О господи! Лодочку-то в чернильном море поймал гигантский кальмар!

Сердце у Флоры даже споткнулось от страха. И застучало глухо и часто.

– Багумбище... – прошептала она.

Из кухни донёсся звон и треск – там явно разбилась груда тарелок и посыпались вилки-ложки.

Музыка смолкла.

– Одиссей? – окликнула Флора.

Она оглянулась. Бельчонок сидел на полу и нюхал свой хвост.

– Иди ко мне, – позвала она.

Он подбежал, и Флора посадила его на плечо.

– Смотри, – сказала она.

Он уставился на картину.

– Эту лодку поймал гигантский кальмар.

Одиссей кивнул, но, похоже, не сильно расстроился.

– Это – трагедия, – сказала Флора. – На борту люди, видишь? Величиной с муравья. Но они – люди.

Одиссей взгляделся. И снова кивнул.

– Они все погибнут, – объяснила Флора. – Все до единого. Ты должен быть в гневе, в ярости – ты же супергерой! Тебя уже охватил порыв спасти этих несчастных? Инкандесто давно бы бросился на выручку!

– А-а, вот вы где! – Доктор Мишам вышла из кухни. – Рассматриваете моего бедного, одинокого гигантского кальмара.

– Одинокого? – переспросила Флора.

– Из всех божьих тварей гигантский кальмар – самое одинокое существо. Некоторые из них так и не встречаются себе подобных на протяжении всей жизни.

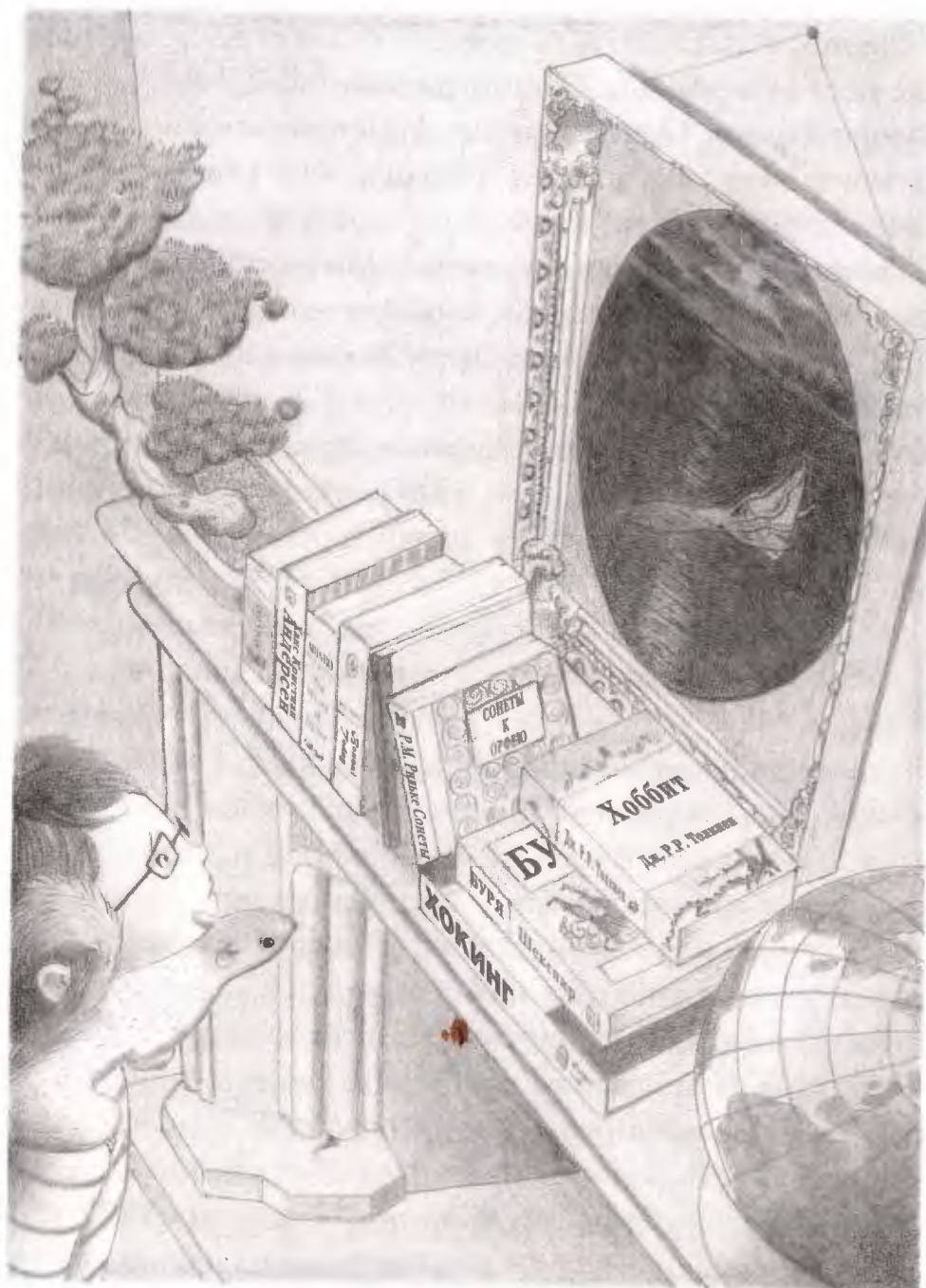
По непонятной причине слова доктора Мишам напомнили Флоре об Уильяме Спивере, и она представила его – светловолосого, в тёмных очках. Сердце Флоры почему-то сжалось.

«Исчезни, Уильям Спивер», – мысленно велела она.

– Этот кальмар – злодей, – произнесла Флора вслух. – Если его не одолеть, он сожрёт всех людей в лодке.

– Что поделаешь? Одиночество толкает нас на ужасные поступки, – сказала старушка. – Картина висит здесь, чтобы я об этом не забывала. Кроме того, написал её другой доктор Мишам. Когда был молод и радостен.

«Держите меня семеро! – Флора мысленно охнула. – Что же он рисовал, когда состарился и погрустнел?»

– Садись, пожалуйста, на диван, – сказала доктор Мишам. – Я уже несу бутерброды. С виноградным повидлом.

Флора уселась. Одиссей уютно пристроился у неё на плече. Она погладила его, такого тёплого. Он прямо генератор тепла!

– Гигантский кальмар – самое одинокое существо на свете, – сказала Флора вслух. А затем, чтобы сохранить бдительность и трезвость, она пробормотала: – Ворвань. – И добавила: – Не надейся. Наблюдай.

Она по-прежнему поглаживала белку.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Слёзы катятся

Доктор Мишам вынесла из кухни розовую тарелочку с маленькими бутербродами. И села рядом с Флорой.

– Ну как тебе диван, набитый конским волосом? – спросила она. – Получаешь удовольствие?

– Видимо... да... – Флора не знала, как именно получают удовольствие от дивана, набитого конским волосом.

– Ешь скорее! – Доктор Мишам протянула Флоре тарелку.

Одиссей прыгнул с плеча на колени Флоры. Понюхал край тарелки.

– Наш пациент голоден, – сказала доктор Мишам.

– Он ведь даже не завтракал, – вздохнула Флора и тут же отдала один бутерброд Одиссею.

– Это диван моей бабушки, – принялась рассказывать старушка. – Она на нём родилась. В Бландермицене. Она всю жизнь прожила в Бландермицене. Там и похоронена, в чаще леса. Но это – другая история. А пока я просто вспоминаю... Когда я была маленькой, в Бландермицене, я сидела на этом диване и болтала с бабушкой. Мы засиживались за полночь. Именно так жили в ту пору девочки в Бландермицене: болтали о всякой ерунде все вечера напролёт. И вязали. В сумерках, потом в темноте. В Бландермицене девочки непременно вязали одежду для троллят.

– Что за троллята? Маленькие тролли? – уточнила Флора. – И где находится Бландермицен?

– Да не бери ты в голову этих троллей. Я просто хотела сказать, что жизнь тогда была очень мрачная и все с утра до ночи вязали.

– Да, тоска, – согласилась Флора.

– Тоска – очень точное слово, – подхватила доктор Мишам и улыбнулась, сверкнув зубами, то есть, конечно, зубными протезами. На одном ярко-белом зубе осталась кожица от виноградины.

Флора потянулась за следующим бутербродом. Надо только вспомнить, не было ли в **ГРОЗЯЩИХ НАМ УЖАСАХ** каких-то особых предупреждений на этот счёт. Быть может, в доме человека, который родом из Бландермицена, не стоит есть бутерброды с повидлом?

– Твой отец так одинок, – сказала доктор Мишам. – И так грустит. Ему пришлось тебя оставить, и это разбило ему сердце.

– Разве? – Флора поразилась.

– Да-да. Мистер Джордж Бакмен сидел на этом диване, набитом конским волосом, много раз. И говорил о своей печали. Он плакал. Этот диван видел слёзы многих людей. Он в этом смысле очень удобный – слёзы-то с него скатываются.

Папа сидел на этом диване и плакал? И его слёзы скатывались с дивана в вечерних сумерках?

Флора внезапно почувствовала, что сейчас тоже заплачет. Что-то с ней не так!

«Ворвань», – быстро подумала она. И очень вовремя. Ворвань загнала слёзы обратно.

Она дала Одиссею ещё один бутерброд.

– У твоего отца широкое сердце, – сказала доктор Мишам. – Тебе понятен такой образ?

Флора покачала головой.

– Это значит, что у Джорджа Бакмена большое, вместительное сердце. Оно вмещает много радости и много горя.

– Ага. – Флора не знала, что сказать.

И ещё она почему-то услышала голос Уильяма Спивера, который говорил, что во Вселенной много необъяснимого.

«Широкое сердце», – голос доктора Мишам.

«Во Вселенной много необъяснимого», – голос Уильяма Спивера.

Вместительное... необъяснимое... сердце... вселенная.

У Флоры закружилась голова.

– Я – циник! – объявила она без всякого повода, довольно громко.

– Вот ещё, выдумала! Циник она, видите ли! – проворчала доктор Мишам. – Циники – это люди, которые боятся верить.

Она махнула рукой прямо у своего лица, точно отгоняла муху.

– А вы верите в... ну... в разные вещи? – спросила Флора.

– Как же! Конечно, верю! – Доктор Мишам снова заулыбалась и засверкала белоснежными зубами. – Ты когда-нибудь слышала о пари Паскаля?

– Нет, – ответила Флора.

– На самом деле никакого пари он не заключал. Он сделал некое допущение. Паскаль решил, что, раз существование Бога доказать нельзя, лучше считать, что Он есть. Верить по-

лезнее, чем не верить. В любом случае ты ничего не проиграешь, а может, и выиграешь. Вот и я так же рассудила. Что я теряю, если во что-то верю? Ничегошеньки! Вот, к примеру, твоя белка. Одиссей. Верю ли я, что он сочиняет стихи и сам их печатает? Конечно, верю! Если это возможно, мир становится намного прекраснее.

Флора и доктор Мишам разом посмотрели на Одиссея. В передних лапках он держал половинку бутерброда. На усиках желтели капли виноградного повидла.

– Вы знаете, кто такой супергерой? – спросила Флора.

– Несомненно. Мне такое слово знакомо.

– Одиссей – как раз супергерой, – продолжила Флора. – Только он пока не совершил никаких особенных подвигов. Разве что полетал немножко. И поднял над головой пылесос. И написал стихи. Но ещё никого не спас. А ведь предполагается, что супергерой спасает людей.

– Кто знает, что он ещё совершит, кого спасёт? – сказала доктор Мишам. – Всё впереди.

Флора наблюдала за каплей повидла: она дрожала-дрожала на кончике усика, а потом плавно, точно в замедленной съёмке, упала на диван из конского волоса.

– Всё в жизни возможно, – сказала доктор Мишам. – В детстве, в Бландермицене, чудеса происходили каждый день. Или через день. Или раз в два дня. Иногда они вообще не происходили – ни на третий, ни на пятый день. Но мы их ждали. Понимаешь, в чём суть? Мы всегда ждали чудес. Мы знали, что чудо непременно случится.

Тут в дверь постучали.

– Видишь? Чем не чудо? – Доктор Мишам просияла. – А ведь это твой отец, мистер Джордж Бакмен.

Флора побежала открывать. За дверью был папа. Он улыбался. Снова. Всё ещё. И это действительно казалось чудом.

– Привет, пап! – воскликнула Флора.

– Видишь? – воодушевилась доктор Мишам. – Он улыбается.

Папина улыбка стала ещё шире. Он снял шляпу. Поклонился.

– Джордж Бакмен, – представился он. – Весьма рад!

Тут уж Флора не смогла удержаться – она тоже заулыбалась.

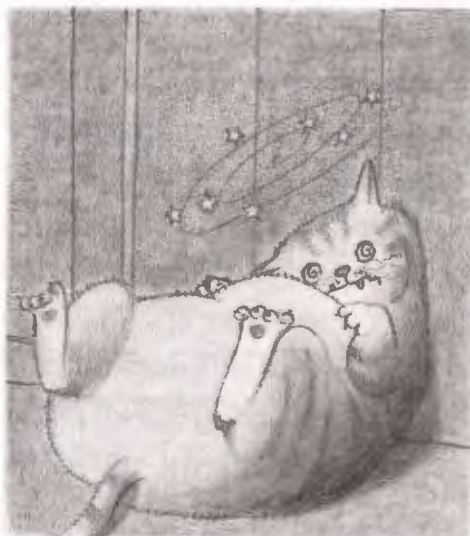
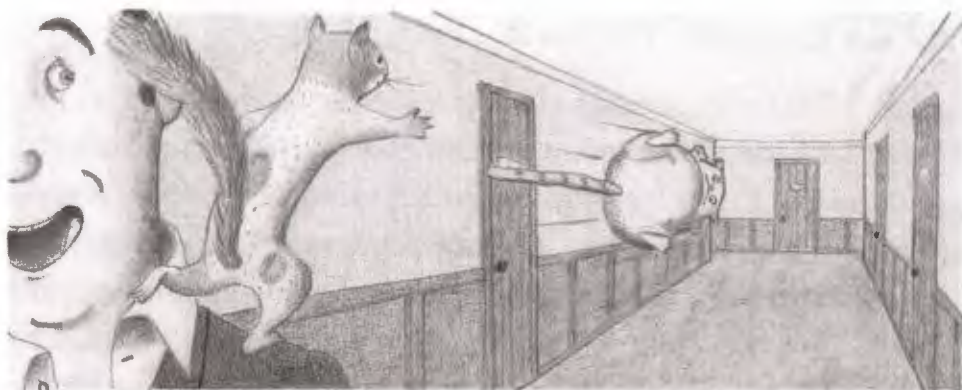
В этот миг в коридорах многоквартирного дома Бликсен-армс раздался такой грохот, словно наступил конец света. Только что папа стоял на пороге, мял в руках шляпу и улыбался, и вдруг... на голову ему, на беззащитную без шляпы голову, приземлился Мистер Клаус. Мистер Клаус-кот.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Это победа!

СУПЕРГЕРОЙ БЫЛ
ЧРЕЗВЫЧАЙНО СОБОЮ
ДОВОЛЕН.

ОН СИЛЁН! ОН МОГУЧ!
А НЕ СОЧИНИТЬ ЛИ ЕМУ
СТИХОТВОРЕНИЕ?!

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Клянусь!

Они сидели в машине. Папины руки лежали на руле – левая на десяти часах, правая – на двух. Флора сидела впереди, Одиссей – у неё на руках, высунув голову в окошко. Они возвращались домой, к маме, несмотря на все протесты Флоры.

– Мы обязаны вернуться, – сказал папа. – В обычное время, не нарушая график. Надо вести себя самым естественным образом, не привлекать внимания. Приедем весёлые и беззаботные.

Флора хотела возразить, но тут над папой, Флорой и Одиссеем взвилось облачко с роковыми словами:

*ХВАТИТ ИГРАТЬ В ПРЯТКИ С СУДЬБОЙ!
ПОРА ВСТРЕТИТЬСЯ С МНОГОРУКОЙ ТЬМОЙ!
ЛИЦОМ К ЛИЦУ!*

– Экая багумбятина! – Папа поморщился. Его правое ухо было замотано бинтом, под бинтом – марля и вата. Голова из-за этого скривилась набок. – Совершенно непредвиденные обстоятельства! Но белка победила кота. – Он покачал головой и улыбнулся.

– Теперь настало время для другого сражения, – отозвалась Флора.

– Всё будет прекрасно, – сказал папа.

– Хорошо бы...

Начался дождик.

Одиссею больше не хотелось высовывать голову в окошко. Встретив взгляд и улыбку Флоры, он счастливо вздохнул и свернулся у неё на коленях. От его присутствия, от вида его усатой мордочки ей тоже стало легче.

Прощаясь с Флорой на пороге квартиры 267, доктор Мишам сказала:

– В детстве, в Бландермицене, мы никогда не знали, встретимся ли снова. Каждый день был как подарок. Поэтому «до свидания» предпочитали не говорить. Кто знает, будет ли оно, это свидание? Бландермицен – место тёмных тайн, безымянных могил, ужасных проклятий. И повсюду тролли! Вот мы и придумывали слова прощания – кто во что горазд. В конце концов решили, что говорить надо так: «Клянусь: я всегда рядом, где бы ты ни был». И я говорю сейчас именно эти слова, Флорабелла: я всегда с тобой, где бы ты ни была. Клянусь. И ты повтори.

– Клянусь всегда быть с вами, где бы вы ни были, – сказала Флора.

И теперь она прошептала заветные слова своему бельчонку:

– Клянусь всегда быть с тобой, где бы ты ни был.

Она приложила палец к груди Одиссея. Его крошечное сердце выстукивало ответ: я тоже клянусь, клянусь, клянусь...

Всё-таки сердце самый странный орган у живых существ...

– Пап, – окликнула отца Флора.

– Что?

– Можно потрогать твоё сердце?

– Потрогать сердце? Да, конечно. Потрогай.

Впервые в жизни Джордж Бакмен оторвал обе руки от руля. Машина продолжала ехать, а он раскинул руки, и Флора, мягко переложив Одиссея с коленей на сиденье, потянулась и положила ладонь на папину грудь слева, где сердце.

Вот оно – под ладонью! Папино сердце билось уверенно и сильно. Оно и правда большое и, наверно, вместительное. Как сказала доктор Мишам? Широкое?

– Спасибо, – сказала она папе.

– Не за что, – ответил он.

Папа вернул руки на руль: десять часов, два часа. Флора пристроила бельчонка обратно себе на колени. Остаток пути они проехали молча, все три сердца стучали мирно и спокойно.

Тишину нарушало только шуршание дворников: они двигались по лобовому стеклу вправо-влево, вправо-влево, напевая нескладную, но милую песенку.

Бельчонок заснул.

Флорабелла Бакмен была счастлива.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Предчувствие

Папа подкатил к дому и выключил двигатель. Дворники на стекле удивлённо пискнули и замерли на полпути. Дождь почти кончился, но в воздухе висела морось. Солнце показалось из-за облака и снова спряталось; сиденья в машине напоследок запахли кетчупом и ирисками ещё сильнее.

– Приехали, – сказал папа.

– Ага, – сказала Флора. – Приехали.

Машина стояла у дома 412 по Беллгрейд-авеню.

Флора прожила в этом доме всю жизнь.

Но что-то тут изменилось.

Что же?

Одиссей залез к ней на плечо. Она его погладила, да так и оставила руку на тёплой шёрстке.

Дом стоял... словно поджавши хвост. Словно втихаря замыслил какую-то пакость. Даже хуже. Дом грозил бедой.

Такое у неё появилось предчувствие.

Слово «предчувствие» пришло Флоре в голову мгновенно.

В последнем выпуске ***Преступников среди нас*** разбирался вопрос: могут ли неодушевлённые объекты (кушетки, стулья, всякие инструменты), принадлежащие преступникам, заряжаться их отрицательной энергией?

«Конечно, никаких научных подтверждений этому нет. Тем не менее мы вынуждены признать, что в этом горестном мире существуют предметы, насыщенные такой энергией... Они

таят в себе угрозу... Проклятые бормашины зубных врачей; диваны с пятнами прошлого – в прямом и переносном смысле слова; здания, вечно стенающие от совершённых в них грехов и преступлений. Можем ли мы это объяснить? Нет. Понимаем ли мы это? Нет. Знаем ли мы, что преступники существуют? Да. И мы (к сожалению) уверены, что **Преступники** всегда будут **среди нас**».

«И Десятитысячерукая Тьма, – подумала Флора, – тоже всегда будет среди нас. Антагонист Одиссея ждёт его в доме. Сейчас».

– Ты помнишь Многорукую Тьму? – спросила Флора у папы.

– Ещё бы! У неё десять тысяч рук и в каждой – гнев, жадность, месть и тому подобные гадости. Она – заклятый враг Инкандесто.

– Она его антагонист, – уточнила Флора. – Вечный противник.

– Верно, – отозвался папа. – Но пусть держит свои десять тысяч рук подальше от нашей белки.

Он посигналил.

– Великий воин прибыл домой! – воскликнул папа. – Дорогу победителю котов! Ура белке-супергерою!

Одиссей распушился и выкатил грудь колесом.

– Ну что, пошли? – сказала ему Флора. – Никуда не денешься. Встреча с Многорукой Тьмой неизбежна.

– Поэтому смело вперёд! – крикнул папа и снова посигналил.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Патока

Они вошли в дом. Пастушка тут как тут, на обычном месте, в обычной позе: ягнёнок в ногах, глобус над головой. Но на лице у неё особенное выражение: мол, я кое-что знаю, о чём вы и не подозреваете.

Папа снял шляпу и поклонился лампе.

– Джордж Бакмен, – сказал он. – К вашим услугам.

– Ау? – крикнула Флора в тишину дома.

Из кухни донёсся смех.

– Мама? – окликнула Флора.

Никто не ответил.

Мрачные предчувствия нахлынули на Флору с новой силой.

И тут она услышала мамин голос. Мама сказала:

– Совершенно верно, Уильям.

Уильям?

Уильям?!!

Флора знает только одного Уильяма. Что он делает у них на кухне? О чём говорит с Многорукой? Ведь ему отлично известно, кто она!

Затем раздались знакомые звуки: заклацали клавиши пишущей машинки, заскрежетала каретка при переводе со строки на строку.

Одиссей заволновался, даже впился коготками Флоре в плечо.

Мама снова засмеялась.

За смехом последовали воистину страшные слова:

– Огромное спасибо, Уильям.

– Тсс, – сказала Флора папе, который стоял, мямля шляпу в руках, тоже вслушивался в слова и звуки и улыбался.

Совершенно, по мнению Флоры, неуместно. На бинте над ухом выступила кровь. Вид у папы был неожиданно праздничный.

– Останься здесь, – велела ему Флора. – Мы с Одиссеем проверим, что там происходит.

– Конечно-конечно, – согласился папа. – Я подожду. – Он надел шляпу. И кивнул.

Флора, с супергероем на плече, тихонько, крадучись, двинулась через гостиную и столовую к закрытой кухонной двери, прямо на ходу превращаясь в Гигантское Ухо.

Вообще она, похоже, наострилась превращаться в Гигантское Ухо.

Флора прислушалась. И Одиссей тоже – судя по тому, как напряглось его тельце. Он тоже сознавал важность момента.

Вот снова заговорила мама:

– Да, так хорошо. «Фредерико, я мечтала о тебе сто миллионов лет».

– Нет, лучше не так, – проинёс другой голос, высокий, писклявый и ужасно противный. – «Я мечтала о тебе целую вечность».

– О-о-о! – воскликнула мама. – Ты прав! Вечность – это поэтичнее.

Одиссей на плече Флоры пошевелился и закивал.

– Да, точно, – сказал Уильям Спивер. – Так поэтичнее. Сто миллионов лет звучит, будто мы отмеряем геологические периоды. А в геологии ничего романтического нет, уверяю вас.

– Хорошо-хорошо, – сказала мама. – Правильно. Какие ещё возражения, Уильям?

– На самом деле, если вы не против, я предпочитаю, чтобы меня называли Уильям Спивер.

– Конечно, – сказала мама. – Прости. Так что ещё, Уильям Спивер?

– Сейчас подумаем, – пробормотал Уильям Спивер. – Я полагаю, Фредерико сказал бы так: «Я тоже мечтал о тебе, Анжелика. Моя любимая! И должен признаться, что мечты эти были столь яркие и прекрасны, что я не хотел возвращаться к ненавистой действительности».

– О-о-о! Отлично! Подожди секунду.

Снова застучали-затараторили клавиши пишущей машинки. Затрещала-зазвенела каретка.

– Думаешь, у них хорошо получается? – шёпотом спросила Флора у Одиссея. – Думаешь, это – хороший текст?

Одиссей замотал головой, задев усиками её щёку.

– Вот и мне кажется, что плохой, – прошептала она.

Плохой – это ещё мягко сказано! Ужасный! Омерзительная сладкая тянучка. Кажется, есть такое слово... Как же это называть?

«Патока». Точно! Это оно.

Найдя меткое слово, Флора внезапно поняла, что ей срочно надо сказать его громко, во весь голос.

Она так и сделала. Открыла кухонную дверь. Вошла.
И крикнула:

– Патока!

– Флора? – удивилась мама.

– Патока? – возмутился Уильям Спивер.

– Да! – ответила Флора. – Именно.

Она была счастлива, что смогла ответить на два очень
важных вопроса одним словом, коротко и ясно.

Да, она Флора.

Да, их текст – патока.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЁРТАЯ

Сердце-предатель

Уильям Спивер сидел на кухне в своих неизменных тёмных очках. Во рту – леденец. Он улыбался.

Вылитый злодей из комикса.

Так думала Флора. Головой.

Но её сердце, предатель-сердце, радостно забилося. В сущности, сердце Флоры было радо Уильяму Спиверу.

Ей столько всего надо с ним обсудить! И пари Паскаля, и докторов Мишам – того и другого, – и одиночество гигантских кальмаров, и пончики-великаны (и особенно тех, кто их делает и ими торгует)! Надо обязательно спросить его, где находится городок Бландермицен и доводилось ли ему сидеть на диване, набитом конским волосом.

Но Уильям Спивер сидел около антигероя. То есть антигероини. И улыбался.

Доверять ему нельзя, это ясно.

– Флорабелла? – произнёс Уильям Спивер.

– Да, это я, – сказала Флора. – Странно, что ты меня не унюхал, Уильям Спивер. А хвастался, будто чуешь любой запах.

– Я никогда не утверждал, что любой. Но в данный момент я чувствую запах белки. И ещё какой-то запах. Такое сладкое благоухание... так пахнет в школьном буфете по четвергам, но только если идёт дождь. Что это? Повидло! Да, виноградное повидло. Я чувствую запах виноградного повидла и белки.

– Белки? – повторила мама. И перестала стучать по клавишам. Она смотрела на Флору. – Снова эта белка?! Почему она опять в доме? Я же велела твоему отцу...

– Злодеяние не должно свершиться! – крикнула Флора.

Мама замерла – руки над клавиатурой, рот открыт, глаза вытаращены. Она смотрела на Флору.

Уильям Спивер на этот раз от комментариев воздержался. Одиссей сидел на плече Флоры. Он дрожал.

Флора медленно подняла правую руку. И спросила, наставив палец на маму:

– Что ты велела папе? Что ты хотела сделать с белкой?

Мама откашлялась:

– Я попросила твоего отца...

Но фразу она не закончила и правды сказать не успела, потому что кухонная дверь внезапно распахнулась. На пороге стоял папа.

– Джордж Бакмен, – представился он. – Весьма рад.

Он вошёл в кухню и встал рядом с Флорой.

– Джордж, что с тобой стряслось? – спросила мама. – Ты с кем-то подрался?

– Нет. Да. Со мной всё хорошо. Меня спасла белка.

– Кто? – Мама привстала.

– На меня напал Мистер Клаус. Он приземлился прямо мне на голову. И...

– Захватывающая история! – сказал Уильям Спивер. – Но, с вашего разрешения, я вас ненадолго прерву. Можно?

– Безусловно.

– Кто такой мистер Клаус?

– Мистер Клаус – хозяин дома, где я живу. И его кот. Большой кот. Обычно он кусает и царапает за ноги. На сей раз объектом стала голова. Моя голова. Совершенно неожиданно. Он застал меня врасплох.

– И? – спросил Уильям Спивер.

– И? Ах, ну да... Что дальше? Дальше Мистер Клаус укусил меня за ухо. Нестерпимая боль. И спасла меня белка.

– Ты спятил? Да? – произнесла мама.

– Не думаю, – ответил папа и улыбнулся. С надеждой.

– Ну почему ты не в состоянии справиться с простейшей задачей? Я же попросила, чтобы ты уладил ситуацию с белкой.

Флору заколотило, она ощутила, как на неё нахлынула волна ярости.

– Не говори эвфемизмами, – сказала она. – Нет никакой «ситуации с белкой». Ты попросила папу её убить. Ты велела ему убить мою белку!

Одиссей согласно зачокал.

И наступила тишина. Как в могиле.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Четыре слова

– **Э**то – правда, – сказала Флора. – Ты велела папе убить Одиссея.

Обличив мать, Флора занялась Уильямом Спивером и его предательством:

– А ты что здесь делаешь, Уильям Спивер? Откуда ты взялся у нас на кухне? С моей матерью?

– Он помогает мне писать роман, – подала голос мама.

Уильям Спивер густо покраснел. Румянец был странный, какой-то... потусторонний.

– Я рад, что вы находите мою помощь полезной, миссис Бакмен. – Он вынул изо рта леденец, развернулся в мамину сторону и поклонился. – Признаюсь, у меня всегда получалось жонглировать словами довольно ловко. И я очень люблю романы. Как художественную форму. Хотя мои собственные литературные интересы относятся в меньшей степени к беллетристике и в большей степени – к природе вещей. Я, если угодно, тяготею к научной фантастике. Люблю соединить факты с воображением и приправить пространными размышлениями о природе Вселенной. Кварки, карликовые звёзды, чёрные дыры и тому подобное. Вы знаете, например, что вот мы с вами сейчас разговариваем, а Вселенная расширяется?

На вопрос ответил только Одиссей. Он энергично закивал головой, явно потрясённый услышанным.

Уильям Спивер поправил тёмные очки на переносице. Набрал побольше воздуха в лёгкие:

– Если уж мы заговорили о расширении, вы знаете, что на данном этапе во Вселенной около девяноста миллиардов галактик? Возможно, в подобной ситуации попытка создания собственной Вселенной покажется вам нелепой и безрассудной, но я тем не менее продолжаю этим заниматься. Упорно.

– Ты не ответил на мой вопрос, Уильям Спивер, – сказала Флора.

– Могу попробовать ещё раз, – отозвался он.

– Не надо, – отчеканила Флора. – Ты предатель. А ты, – она указала на маму, – Десятитысячерукая Тьма, антигерой. Антигероиня. Ты способна на любые злодеяния.

Мама скрестила руки на груди.

– Я желаю тебе только блага, – произнесла она с вызовом. – Я трачу на тебя жизнь. Если из-за этого я злодейка, что ж... прекрасно!

Флора вдохнула поглубже и выпалила:

– Я переезжаю к папе.

Мама:

– Что?

Папа:

– Правда?

– Твой отец и о себе-то не умеет позаботиться. А о тебе тем более, – сказала мама.

– По крайней мере, он не променял дочь на лампу! – парировала Флора.

– Я чего-то не улавливаю, – растерялся Уильям Спивер.
– Я хочу жить с папой, – сказала Флора.
– Правда? – повторил папа.
– Что ж, вперёд с песнями! – объявила мама. – Это сильно упростит мне жизнь.

«Сильно упростит мне жизнь».

Эти четыре слова, такие простые, обыкновенные четыре слова летели во Флору огромными булыжниками. Сейчас они повалят её, собьют с ног. Она невольно подняла руку и ухватилась за Одиссея. Надо удержаться, не упасть.

– Не надейся, – прошептала она.

Только на что именно она хочет и боится надеяться?

Так. Ведь она циник? Циник. Тогда почему так болит сердце? Сердцу циника болеть не положено.

Уильям Спивер отодвинул стул. И встал.

– Миссис Бакмен, – произнёс он, – возможно, вы хотели бы отречься от последних произнесённых вами слов? Они прозвучали излишне резко.

Мама промолчала.

– Хорошо, тогда я скажу, – нарушил тишину Уильям Спивер. – Я попытаюсь объяснить ещё раз, ибо хочу быть понятым вполне. – Он выдержал паузу. – Единственная причина, которая привела меня сюда, Флорабелла, состоит в том, что я искал вас. Вас долго не было, я соскучился и всё думал, возвратились вы уже или нет. Вот я и пришёл. Я искал вас.

Флора закрыла глаза. Она видела только темноту. И в эту темноту медленно вплывал гигантский кальмар другого док-

тора Мишама. Печальный, одинокий, он перебирал своими щупальцами – печальными, одинокими, огромными.

«Я искал вас».

Как же этот Уильям Спивер подбирает слова? Почему от его слов так сжимается сердце?

– Ворвань, – сказала Флора.

– Что-что, прошу прощения? – не понял Уильям Спивер.

Одиссей мягко прижался к ладони Флоры.

И вдруг прыгнул. Далеко-далеко.

– О-о-о! Нет! – воскликнула мама. – Только не это! Не-е-ет!..

Одиссей пролетел над головой Филлис Бакмен. Он взлетел высоко и потом ещё выше.

– Да, – сказала Флора. – Да!

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Пускай будут!

ОН ВЗЛЕТЕЛ, ПОТОМУ ЧТО
ОН - СУПЕРГЕРОЙ.

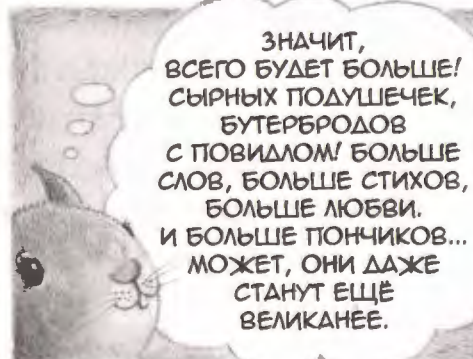
ОН ХОЧЕТ ПОМОЧЬ ФЛОРЕ!
ПРИДАТЬ ЕЙ СИЛ!

УИЛЬЯМ СТИВЕР СКАЗАЛ, ЧТО
ВСЕЛЕННАЯ РАСШИРЯЕТСЯ...

ЗНАЧИТ,
ВСЕГО БУДЕТ БОЛЬШЕ!
СЫРНЫХ ПОДУШЕЧЕК,
БУТЕРБРОДОВ
С ПОВИДЛОМ! БОЛЬШЕ
СЛОВ, БОЛЬШЕ СТИХОВ,
БОЛЬШЕ ЛЮБВИ.
И БОЛЬШЕ ПОНЧИКОВ...
МОЖЕТ, ОНИ ДАЖЕ
СТАНУТ ЕЩЕ
ВЕЛИКАНЕЕ.

ИЛИ
ВЕЛИКАНСКЕЕ?
КАК ПРАВИЛЬНО?

ГЛАВНОЕ -
ПУСКАЙ БУДУТ!

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Белки-лентяги

Интересно, почему, как только Одиссей взлетает, всё вокруг стихает?

Точно так же – пока все не начали вопить – всё затихло в «Пончике-великане». Словно люди на миг примирились. Словно мир задумался, притормозил. И стал совершенно прекрасным.

Флора огляделась.

Солнце заливало кухню, освещая всё: усики Одиссея, клавиши маминой машинки, обескураженного, улыбающегося папу, ошарашенную маму.

Даже Уильям Спивер был подсвечен солнцем, его почти белые волосы сияли как ореол. Флора улыбнулась.

– Что это? – спросил Уильям Спивер. – Что происходит?

Папа рассмеялся:

– Видишь, Филлис? Видишь? Всё в этой жизни возможно. Всё!

Одиссей парил над их головами. Потом резко спикировал к самому полу и снова взмыл под потолок. Потом, покосившись на зрителей, плавно кувырнулся назад и лихо вырулил обратно вверх.

– Во имя всего святого! – произнесла мама странным деревянным голосом.

– Объясните же мне что-нибудь! – взмолился Уильям Спивер.

Одиссей снова нырнул вниз. И пролетел мимо правого уха Уильяма Спивера.

Тот ахнул от неожиданности:

– Что это было?

– Белка, – ответила мама тем же странным, новым, голосом. – Она летает. – Мама внезапно встала. – Что ж. Пойду наверх. Мне надо вздремнуть.

Странное, надо сказать, заявление. Потому что Флорина мама никогда не ложится спать днём. Она вообще большая противница дневного сна. Она не верит в его пользу и считает его пустой тратой времени.

– Да, я немного вздремну. Это необходимо. – Мама вышла из кухни и закрыла за собой дверь.

Одиссей приземлился на стол возле пишущей машинки.

– Это не так уж удивительно, – сказал Уильям Спивер. – Вы слышали про белок-летаг? Они до сих пор существуют. На самом деле они – прародительницы всех прочих белок. Это зарегистрировано, изучено, доказано. Белки-летаги – научный факт.

Одиссей посмотрел на Уильяма Спивера. Потом на Флору.

Протянув лапку, нажал клавишу пишущей машинки.

Клац – отозвалось эхо.

– А белки-летаги, которые умеют печатать, – тоже научный факт? – спросила Флора.

– Не зарегистрировано, – ответил Уильям Спивер.

Одиссей ударил по другой клавише. По третьей.

– Бумба-багумба! – воскликнул папа. – Он летает. Он побеждает котов. И печатает на машинке!

– Он – супергерой, – пояснила Флора.

– Поразительно! – сказал папа. – И замечательно. Но думаю, мне стоит пойти к маме... обсудить... ситуацию в целом. На пару слов.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Изгнанник

Клац... клац... клац...

Флора замерла.

Уильям Спивер замер.

Одиссей печатал.

– Флорабелла? – окликнул Уильям Спивер.

– Что?

– Я хотел убедиться, что вы ещё здесь.

– Где же мне быть, по-твоему?

– Ну, не знаю. Вы ведь упомянули, что переезжаете.

– Мама рада, что я уеду.

– Я не уверен, что она имела в виду именно это, – сказал Уильям Спивер. – Думаю, она просто сильно удивилась. Возможно, вы задели её самолюбие. Безусловно, она выразилась не вполне корректно. Странно, что автор любовных романов столь нетонко обращается со столь тонкими материями. С человеческими чувствами.

Клац... клац... клац...

На мордочке Одиссея отразилось полнейшее, беспримесное счастье.

– Она считает, что без меня ей будет легче, – сказала Флора.

– Ну... да, примерно так... – Уильям Спивер поправил очки на переносице. Подвинул стул, снова сел за кухонный стол. И глубоко вздохнул.

– Что-то у меня губы онемели, – сказала Флора. – Не шевелятся.

– Я такое испытывал. – Уильям Спивер кивнул. – Поскольку я и сам пережил несколько травматичных эпизодов, мне знакомо множество физических проявлений горя.

– А что с тобой случилось-то? – спросила Флора.

– Меня изгнали.

«Изгнали»?

Слово – как холодный камешек. Флора ощутила его в животе.

– Почему? За что?

– Полагаю, более актуально выяснить: кто?

– Хорошо, – сказала Флора. – Кто тебя изгнал?

– Моя мать, – ответил Уильям Спивер.

Флора почувствовала, как на самое дно живота скользнул ещё один ледяной камень.

– Почему?

– Это произошло после неприятного эпизода, связанного с новым мужем моей матери. Человеком, который не является моим отцом. Человеком с нелепейшим именем Тайрон.

– А где твой отец? – спросила Флора.

– Умер.

– Ох...

Ещё один камень, холодный-прехолодный.

– Мой отец, мой настоящий отец, был умнейшим человеком и настоящим гуманистом, – сказал Уильям Спивер. – А ещё у него были изящные тонкие ноги. Очень маленький размер. У меня, кстати, тоже.

Флора посмотрела на ноги Уильяма Спивера. Да, пожалуй, мелковаты для его роста и возраста.

– Это, разумеется, не особенно значимая информация, – продолжил он. – А вот вам ещё факты: мой отец замечательно играл на фортепьяно. И глубоко, всесторонне разбирался в астрономии. Ему нравилось рассматривать звёзды. А звали его Уильям. Но он скончался. И теперь моя мать замужем за неким Тайроном, у которого нет изящных ног и которому в высшей степени безразличны звёзды на небе. Тайны Вселенной ничего для него не значат. Он продал папин рояль. Он отказывается называть меня Уильямом. Этот субъект именует меня Билли. А моё имя, как вы знаете, не Билли. Меня так не зовут и никогда прежде не звали. Я не согласен, чтобы ко мне так обращались. Я много раз на это указывал. И вот, после неоднократного несогласия с моей стороны и неоднократного игнорирования этого несогласия противоположающей стороной возникла целая цепь причин и следствий, были совершены некоторые действия и произошли некоторые необратимые изменения. В итоге я был изгнан.

– Какая цепь? – спросила Флора. – Что за действия? Какие необратимые изменения?

– Всё достаточно сложно. Мне бы не хотелось сейчас об этом говорить. Но раз уж мы задаём друг другу вопросы, затрагивающие эмоциональную сферу, объясните мне, почему ваша мама променяла дочь на лампу. Вы ведь так ска-
зали?

– Это тоже сложно, – ответила Флора.

– Не сомневаюсь. И глубоко сочувствую.

Наступила долгая тишина, её нарушало только клацанье пишущей машинки.

– Видимо, белка работает над следующим стихотворением, – сказал Уильям Спивер.

– Да, похоже.

– И оно, видимо, очень длинное. Ваша белка – мастер эпической формы. О чём, интересно, может написать белка? Да ещё так много!

– Сегодня многое произошло, – отозвалась Флора.

Солнце клонилось к закату. Тени вяза и клёна проникли в кухню и легли на пол лиловыми разводами.

Ей будет очень не хватать этих теней на полу... когда она переедет...

И самих деревьев.

Возможно, даже Уильяма Спивера.

И тут, словно прочитав её мысли, Уильям Спивер сказал:

– Я здесь, потому что искал вас. Я скучал. Правда.

Сердце Флоры, этот одинокий кальмар, булькнуло и перевернулось в груди.

Она открыла рот. Хотела сказать, что это не важно. В сущности. Во всяком случае, сейчас не важно. Но уж так повелось с этим Уильямом Спивером: она намеревалась сказать ему одно, а говорила в итоге совсем другое.

Флора намеревалась сказать: «Это не важно».

А сказала:

– Ты когда-нибудь слышал о городе Бландермицене?

– Минутку! – Уильям Спивер упреждающе поднял руку. –
Я не хочу вас волновать. Но вы чувствуете запах дыма?
Флора принюхалась. Да, действительно. Запах дыма.
Ну что? Пожар? Неужели на сегодня недостаточно?
Во имя всего святого!

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Добрые вести, Флорабелла!

Мама с папой вошли в кухню вместе. В зубах у мамы – сигарета.

Мама курит?!

Папина рука – на мамином плече?!

Это тоже тревожный сигнал. Не слабее сигареты. Потому что с некоторых пор мама с папой друг до друга не дотрагивались.

– Добрые вести, Флорабелла! – объявил папа.

– Неужели? – сказала Флора.

Когда кто-нибудь объявляет: добрые, мол, вести – верить нельзя. Опыт показывает, что, когда вести действительно добрые, народ эти вести сразу и выкладывает. А вот если вести дурные, тебя к ним готовят и говорят: «Ах-ах-ах! Какая хорошая новость!»

Вот и сейчас. Ну зачем папа говорит: «Добрые вести, Флорабелла»?

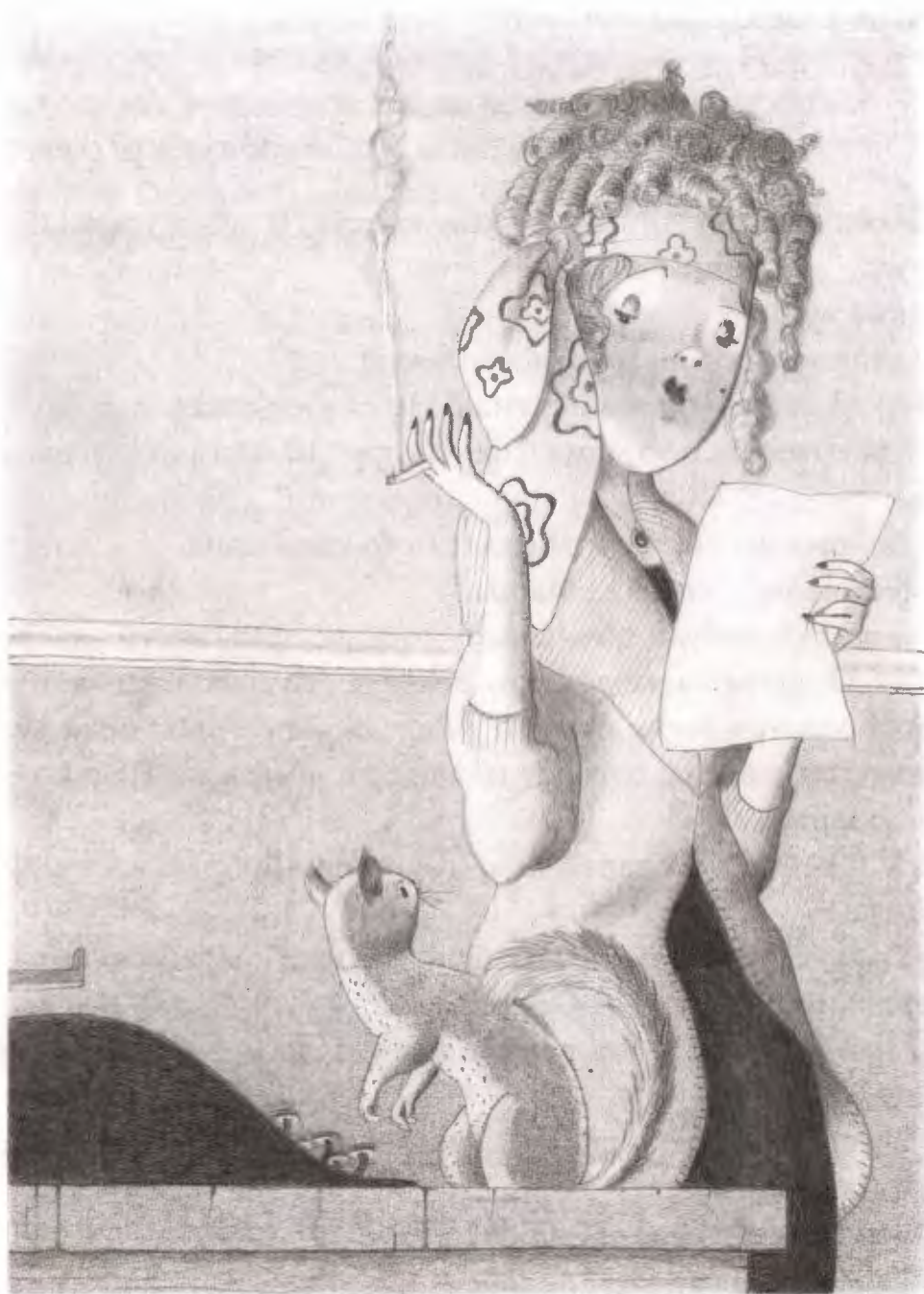
– Твоя мама думает, что белка может остаться здесь, – сказал папа. – Она рада Одиссею.

– Что? – Флора не поверила своим ушам. – Здесь? С ней? А я где буду жить?

– Здесь, – ответил папа. – С мамой. Ты, мама и белка. Ведь так, Филлис?

Флора посмотрела на маму:

– Так?

– Почту за честь, – сказала мама и сделала долгую затяжку. Рука с сигаретой дрожала.

– Почему ты куришь? – спросила Флора. – Ты же бросила!

– Сейчас неудачное время бросать. – Мама покривилась. – Слишком напряжённый период, много работы. Кстати, твоя белка опять печатает! На моей пишущей машинке. На моём романе!

– Одиссей сочиняет стихи, – сказал Уильям Спивер, – не роман.

– Что ж, дайте взглянуть! – Мама направилась к машинке и Одиссею. – Посмотрим, какие такие стихи он сочиняет.

Она по-прежнему говорила странным, чуть дребезжащим и глуховатым голосом – словно со дна глубокого, тёмного колодца. Так, наверно, говорят роботы, которые притворяются людьми. Только у них это плохо получается.

Флора вдруг испугалась.

– Только я сначала возьму ещё сигарету, – сказала мама роботоголосом.

Она прикурила новую сигарету от предыдущей. Так. Это называется непрерывное курение. Весьма опасно для здоровья. Даже в спокойные времена.

А нынешние времена спокойными не назовёшь.

Мама втянула в себя дым. Много дыма. Выдохнула. И сказала:

– Ну что, прочитать вам вслух?

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Неполный список

На самом деле это не стихотворение!

Ещё не стихотворение.

Пока это лишь список слов, которые он намерен превратить в стихотворение. И пока этот список звучит не очень внушительно. Зря Флорина мама читает его вслух.

Первым в списке стоит Повидло.

За словом Повидло идёт Пончик-великан, а следом – Глазурь.

Дальше в списке значатся:

Рита!
Глаза-солнышки
Паскаль
Гигантский кальмар
Пастушка
Победа
Вместительное
Кварк
Вселенная (расширяется)
Бландермицен
Изгнали

Список заканчивается прощальными словами доктора Мишам:

Клянусь: я всегда рядом, где бы ты ни была.

Одиссей чувствует, что собрал хорошие, возможно даже великие слова, но список пока неполный. Он вообще только начал. Слова ещё надо расставить, повозиться с ними, соединить в единственном порядке – в каком, подскажет сердце.

– Слушайте, прямо-таки возвышенная поэзия! – удивляется Джордж Бакмен.

– Не стоит преувеличивать, – говорит Уильям Спивер. – И лгать автору нет никакого смысла, даже если автор – белка. Никакая это не поэзия. Но мне понравилась концовка, там, где клятва. Она вносит некоторый эмоциональный подъём.

– Стихи прекрасные! – восклицает Флорина мама. – И я рада, что в нашу семью влился ещё один автор.

Она похлопывает Одиссея по голове. На его вкус – чересчур сильно. Не ласково, нет.

– Мы ведь будем одной счастливой семейкой! – говорит мама и снова похлопывает Одиссея. Довольно больно.

– Счастливой? – уточняет Флора.

– Безусловно! – отвечает её мама.

Тут раздаётся стук в заднюю дверь.

– Тук-тук-тук, – деликатно добавляет женский голос.

Тути! – думает Одиссей.

– Тути! – говорит Флора.

– Миссис Тикхем, входите! – приглашает мама. – Мы как раз читаем слова, которые напечатала белка. Ха-ха. Беличий поэтический опус.

– Уильям, – говорит Тути, – я тебя зову-зову...

– Простите, не слышал, тётя, – отвечает Уильям Спивер.

– Наверно, я звала не очень-то громко, – признаётся Тути. – Что напечатал Одиссей?

Флорина мама снова зачитывает весь список.

Тути хватается рукой за сердце:

– О, последняя строка просто душераздирающая!

– Последняя строка – единственная осмысленная вещь во всём тексте, – замечает Уильям Спивер.

– А меня Одиссей так вдохновил! – говорит Тути. – Я и сама сочинила небольшой стишок.

Одиссей чувствует, что его распирает от гордости. Он вдохновил человека! Он разворачивается и суёт нос под хвост.

– Тути, дадите почитать? – просит Флора.

– Нам непременно надо в какой-то момент устроить поэтический вечер! – восклицает Тути. – Одиссею это наверняка понравится.

Бельчонок согласно кивает.

Да-да-да! Очень понравится!

А ещё ему понравится кусочек... ну хоть кусочек съестного.

Бутерброды с повидлом у доктора Мишам получились замечательные, но ведь это когда было-то? Ему нестерпимо хочется есть и ещё – чтобы Тути почитала ему стихи. И своё собственное стихотворение хочется доделать.

И хорошо бы, Флорина мать перестала хлопать его по голове. А то она опять за своё...

– Уильям, – говорит Тути, – звонила твоя мама.

– Мама? Она зовёт меня домой?

В писклявом голоске столько надежды, что под конец он почти срывается.

– К сожалению, нет, – отвечает Тути. – Но сейчас пора ужинать. Пойдём домой, надо поесть.

«Поесть» – отличное слово, – думает Одиссей. – А «домой» – ещё лучше.

Он подскакивает к пишущей машинке.

Где тут буква «Д»?

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Бес вселился!

Всё было странно.

Мама настояла, чтобы они сели все вместе обедать за стол в столовой. Все трое. Ещё она настояла, чтобы Одиссей сидел на отдельном стуле, а это уж было совсем некстати, потому что до стола он оттуда не дотягивался.

– Он может сидеть здесь, со мной, – пыталась возразить Флора.

– Нет-нет. Я хочу, чтобы он ощущал себя как в родном доме. Чтобы понял, что у него есть свой стул за нашим столом.

Мама выдвинула стул, Одиссей влез на него, и она полностью задвинула стул. У Флоры сжалось сердце, когда несчастная усатая мордочка скрылась за краем скатерти.

Если бы мама не вела себя так странно, Флора спорила бы сейчас с пеной у рта.

Но мама вела себя более чем странно.

Более чем.

Она не просто говорила, как робот, она говорила то, чего Флора от неё никогда прежде не слышала. Она выражала чувства, которые ей были абсолютно несвойственны.

Например, раньше мама ни за что не посадила бы белку ни за стол, ни под стол.

Например, раньше мама ни за что не разрешила бы Флоре съесть вторую порцию макарон с сыром.

Например, раньше мама ни за что не промолчала бы, когда Флора принялась за вторую порцию макарон с сыром, мама непременно бы рассказала Флоре, что она станет поперёк себя шире и это очень вредно.

Флора заподозрила, что в маму вселился бес.

В **ГРОЗЯЩИХ НАМ УЖАСАХ** есть эпизод под названием «Черти, бесы и проклятия». Судя по всему, людей, которые вели себя необычным образом, окружающие издавна боялись и считали, что в них вселился демон или бес. Или инопланетянин. Если верить **УЖАСАМ**, на самом деле бесы тут ни при чём, а эти несчастные либо страдали от какого-то психического заболевания, либо просто испытали нервный срыв, вызванный экстраординарными обстоятельствами.

Флора предположила, что летающая белка, которая умеет печатать на машинке, оказалась для маминой психики как раз таким экстраординарным обстоятельством. Мамина психика с этим обстоятельством не справилась, и мама оказалась на грани нервного срыва. Или уже за гранью.

Ну или всё-таки в неё вселился бес.

Конечно, для папы вся эта история тоже была экстраординарной. Но всё, связанное с Одиссеем, он воспринимал иначе, чем мама. Он, наоборот, как-то приободрился от этой багумбятины. Наверно, вспомнил про Инкандесто и Долорес. И что невозможное иногда возможно.

– Разве я не могу жить у тебя? – спросила Флора, когда папа сажился в машину.

– Конечно можешь! Никаких противопоказаний! – ответил папа. – Но ты сейчас очень нужна маме.

– Не нужна я ей, – сказала Флора. – Нисколько. Она сказала, что, если я перееду, это сильно упростит ей жизнь.

– Мне кажется, она просто неточно сформулировала свою мысль. – Папа вздохнул.

– Кроме того, – продолжила Флора, – она ненавидит мою белку. Я не могу жить с человеком, который ненавидит Одиссея.

– Дай ей шанс, – попросил папа.

– Ладно, дам, – ответила Флора.

Когда машина отъезжала, Флора прошептала папе вслед заветные слова доктора Мишам. Он, само собой, никак не мог её услышать, но Флора всё равно расстроилась, что он не обернулся на прощание.

Так вот Флора и не переехала. Осталась давать матери шанс, то есть наблюдать, как она дымит, прикуривая сигарету за сигаретой от большой свечи, стоящей на обеденном столе.

Мама наклонялась над огнём, и Флора думала, что волосы у неё того и гляди загорятся.

Кстати, что делать, если у кого-то загорелись волосы? Кажется, надо набросить на горящего человека всякие коврики и циновки. Можно даже ударить его ковриком по голове – главное, сбить пламя. Флора оглядела столовую. А у них коврики-то имеются в наличии? Хоть один?

Пастушка Мариан устало подглядывала за Флорой и мамой издали, от лестницы. Она явно их осуждала. И – в кои-то веки – Флора была с ней согласна: всё в этом доме вышло из-под контроля.

Мама сказала:

– Ах, какая же радость проводить время с членами моей семьи – и с грызунами, и с остальными... человекообразными. Но что-то у меня разболелась голова. Пойду, пожалуй, наверх и дам отдых глазам.

– Иди, – ответила Флора, – я уберу со стола.

– Прекрасно! Ты так заботлива!

Наконец её странная мама поднялась по лестнице и скрылась. Флора тут же выдвинула стул с Одиссеем. Он вспрыгнул на стол и ошеломлённо замер перед полной тарелкой макарон с сыром. Вопросительно посмотрел на Флору.

– Ешь скорее! – воскликнула она. – Это всё тебе.

Он выбрал одну-единственную макаронину, зажал в лапках и принялся восхищённо разглядывать.

Наблюдая за ним, Флора внезапно вспомнила большую, на целый разворот, картинку из комикса *Блистательные приключения потрясающего Инкандесто*. Изображён на ней Альфред Т. Валкинс. Он стоит у тёмного окна, руки за спиной, попугаиха Долорес – на плече. Альфред смотрит в окно и говорит: «Долорес, я совсем один в этом мире. Я тоскую по себе подобным».

Бельчонок съел макаронину и взялся за следующую. С усиков у него свисал сыр. Он был счастлив.

– Я тоскую, – сказала Флора. – Я скучаю по папе.

Одиссей посмотрел на неё искоса.

– Я скучаю по Уильяму Спиверу, – добавила Флора.

Ну кто мог знать, что она когда-нибудь такое произнесёт!

«Я даже по маме скучаю, – подумала Флора. – Точнее, я скучаю по прежней маме».

На улице стемнело.

Мама наверху. Папа в Бликсен-армс. Уильям Спивер в соседнем доме.

Вселенная расширяется.

Флорабелла Бакмен тоскует по себе подобным.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Есть ли для этого слово?

Он сидит на подоконнике и смотрит вниз, на спящую Флору, а потом – в окно, на освещённые окна соседних домов. Он думает о словах, которые надо добавить к стихотворению. Вспоминает музыку в доме доктора Мишам, голоса, которые там пели. Вспоминает морду Мистера Клауса, когда тот ринулся со всех лап обратно по коридору.

Есть ли для этого слово?

Чтобы одно – для всего сразу? Для освещённых окон, для музыки и для испуганного, ошарашенного, побеждённого кота?

Он слушает, как завывает ветер в кронах деревьев. Он закрывает глаза и представляет пончик-великан с глазурью сверху и взбитыми сливками внутри. Или, например, с по-видлом.

Он думает, что летать – это здорово.

Вспоминает лицо Флоры, когда её мама сказала, что без неё легче жить.

Что, спрашивается, делать белке со всеми этими мыслями и воспоминаниями?

Флора тихонько всхрапывает.

Одиссей открывает глаза пошире. И не закрывает, пока – одно за другим – не гаснут окна в соседних домах, пока мир не погружается в темноту, почти кромешную – только уличный фонарь мерцает на перекрёстке. То вспыхнет, то погаснет, то оживёт, то замрёт, то свет, то тьма, то тьма, то свет...

НО РАЗВЕ ЗАКРЫТАЯ ДВЕРЬ —
ПРЕГРАДА ДЛЯ СУПЕРТЕРОЯ?

НАСТАЛО ВРЕМЯ СУПЕРТЕРОЯ!

НАСТАЛ ЕГО ЧАС.

Что, интересно, этот фонарь хочет сказать своим мерцанием?

Ещё Одиссей думает об Уильяме Спивере.

О слове «изгнан» и о выражении «тосковать по себе подобным».

Он представляет, как печатает эти слова, как они – буква за буквой – появляются на бумаге.

Перед сном Флора сказала, что надо бы ему на время воздержаться. Не печатать. Во всяком случае – на маминой пишущей машинке.

– Это её... беспокоит, – сказала Флора. – По-моему, твои стихи и полёт по кухне вызвал у неё... что-то вроде нервного срыва.

Она посмотрела на него грустными глазами и плотно закрыла дверь.

– Одиссей, я закрыла дверь, чтобы ты помнил: выходить нельзя. Никаких пишущих машинок. Никаких стихов.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Вывеска

Флоре снился сон.

Берег реки. Рядом с ней сидит Уильям Спивер. Светит солнце, а вдалеке сияет неоновая вывеска. На вывеске – слова, но прочитать их Флора не может.

– Что написано на вывеске? – спрашивает Флора.

– На какой вывеске? – недоумевает Уильям Спивер. – Я же временно незрячий.

В её сне Уильям Спивер оказался таким же занудой, как в реальной жизни, и это отчего-то радовало. Флора вдруг успокоилась. Она просто смотрела на реку. Никогда прежде ей не доводилось видеть такой потрясающей, блистательной красоты.

– Если бы я была первооткрывателем и нашла эту реку, я назвала бы её Инкандесто, – говорит Флора.

– Представляйте Вселенную в виде аккордеона, – советует Уильям Спивер.

Флора ощущает укол раздражения.

– Ты о чём? – спрашивает она.

– Разве вы не слышите? – Уильям Спивер наклоняет голову набок. Вслушивается.

Флора тоже слышит какие-то звуки. Словно кто-то далеко-далеко играет на игрушечном фортепьяно.

– Правда, красиво? – говорит Уильям Спивер.

– Но, по-моему, это не аккордеон, – отзывается Флора.

– О, Флорабелла! – восклицает Уильям Спивер. – Вы слишком циничны. Разумеется, это – аккордеон.

Неоновая вывеска всё ближе. Она каким-то образом перемещается. Буквы помигивают и складываются в слова:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В БЛАНДЕРМИЦЕН.

– Ух ты! – восклицает Флора.

– Что такое? – вскидывается Уильям Спивер.

– Я уже могу прочесть, что на вывеске.

– И что там?

– «Добро пожаловать в Бландермицен», – отвечает Флора.

Фортепиано играет всё громче. Уильям Спивер хватается Флору за руку. Они сидят бок о бок на берегу реки Инкандесто, и Флора совершенно счастлива.

Она думает: «Я совсем не тоскую. Ни по кому».

Она думает: «Уильям Спивер держит меня за руку!»

А потом она думает: «Интересно, где Одиссей?»

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЁРТАЯ

Дорогая Флора

В кухне сумрачно, горит только светильник над плитой. Одиссей тут один. Но у него возникает странное чувство – нет, он не один. За ним кто-то подглядывает. Неужели кошка?

Неужели Мистер Клаус разыскал его и теперь хоронится в тёмном углу, чтобы улучи^т момент и отомстить? Кошки ведь очень мстительны. Обид и оскорблений они никогда не забывают. И не прощают. А Мистер Клаус спасовал перед белкой, дал дёру. Это ли не оскорбление?

Одиссей замирает. Тихонько поднимает нос, принюхивается, но – нет, кошкой не пахнет.

Пахнет табачным дымом.

Из тёмного угла выходит Флорина мама.

– Так-так, – говорит она. – Вижу, ты снова оседлал мою пишущую машинку. Снова тюкаешь тут своими лапами. – Она делает шаг вперёд и, зажав сигарету в зубах, вытягивает стихотворение из машинки.

Ролики, прижимавшие лист к каретке, жалобно скрежещут.

Флорина мама – не прочитав ни слова – сминает лист и бросает на пол.

– Вот так! – восклицает она.

Она выдыхает колечко дыма, и колечко плывёт в тусклом свете кухни, как красивая, таинственная буква «О». Пока Одиссей разглядывает стелющийся над головой дым, он вдруг чувствует, как на него накатывает волна радости и печали. Да-да, радость и печаль внезапно слились воедино.

Он так любит этот мир. Всё в нём прекрасно, всё без исключения: и колечки дыма, и одинокие кальмары, и пончики-великаны, и круглая голова Флорабеллы Бакмен, и все замечательные мысли, которые в этой голове роятся.

Он любит Уильяма Спивера и его расширяющуюся Вселенную. Он любит Джорджа Бакмена, его шляпу, его смех и особенно как он щурится, когда смеётся. Он любит доктора Мишам, её слезящиеся глаза и её бутерброды с повидлом. Он любит Тути, которая назвала его поэтом. Он любит глупую маленькую пастушку. И даже Мистера Клауса.

Он любит мир, этот мир, он не хочет с ним расставаться.

Мать Флоры закатывает в пишущую машинку чистый лист.

– Ты хочешь печатать? – спрашивает она.

Одиссей кивает. Чего скрывать? Он в самом деле хочет печатать. Он любит печатать.

– Хорошо, давай попробуем. Печатай то, что я продиктую.

Как это? Печатать чужие слова? Чужие мысли? Но это идёт вразрез с главным смыслом самого печатанья!

– Дорогая Флора, – начинает Флорина мама.

Одиссей мотает головой.

– Дорогая Флора, – повторяет Флорина мать громче и настойчивей.

Одиссей смотрит ей в лицо. Из ноздрей у неё двумя тонкими струйками идёт дым.

– Ну же, давай! – говорит Флорина мать.

Он печатает слова. Медленно-медленно.

Дорогая Флора.

Он печатает, потрясённый всем, что слышит, всем, что ему диктуют, потрясённый до глубины души, до такой степени, что он уже не в силах сопротивляться. Одиссей печатает каждое ужасное слово, весь ужасный бред, который льётся изо рта Филлис Бакмен.

Она диктует, он печатает.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Каменная белка

Вот он закончил. Мама Флоры нависает над ним, читает, кивает и приговаривает:

– Правильно, правильно. Всё верно, так и надо. Есть кое-какие ошибки, но это простительно. Ты же белка. О какой грамотности может идти речь?

Она закуривает новую сигарету и, прислонившись к кухонному столу, рассматривает Одиссея.

– Что ж, думаю, сейчас – самое время, – говорит она. – Жди здесь. Я скоро вернусь.

Он послушный.

Он ждёт.

Она выходит из кухни, а он остаётся сидеть. Неподвижно. Словно она наложила на него заклятие. Словно, заставив напечатать заведомую ложь, она лишила его способности действовать.

Однажды давно, по весне, Одиссей видел в каком-то саду белку, сделанную из камня: она сидела серая, окоченевшая, с пустыми ввалившимися глазами. В каменных лапках она зажала каменный жёлудь, навсегда зажала, ей его никогда не съесть.

Должно быть, она до сих пор там сидит, в том саду, с тем же жёлудем. Сидит и ждёт.

Я – каменная белка, – думает Одиссей. – Я не могу пошевелиться.

Он смотрит на слова, которые только что напечатал. Нечестные слова. В них нет ни радости, ни любви. И самое страшное, что эти слова причинят боль Флоре.

Он медленно поворачивается. Нюхает свой хвост. И вдруг вспоминает, что крикнула ему Флора в «Пончике-великане». Она крикнула: «Помни, кто ты!»

Это был полезный совет. А потом была короткая команда: «Действуй!»

Он слышит звук шагов.

Что же делать? Как «действовать»?

Он должен напечатать.

Он должен напечатать слово.

Но какое?

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Похищен!

Её точно подкинуло на кровати. В доме было невероятно темно, настолько темно, что Флора решила, что она тоже временно ослепла.

– Одиссей? – окликнула она.

Она села. Посмотрела туда, где должна быть дверь. Постепенно разглядела прямоугольник. Дверь есть. И она открыта.

– Одиссей? – окликнула она снова.

Выбравшись из кровати, она спустилась по тёмной лестнице, мимо пастушки.

– Тупая, глупая лампа, – сказала она.

Она сразу направилась на кухню. Пусто. Полное безлюдье. И безбелочье.

– Одиссей?

Она подошла к пишущей машинке и увидела, что в неё вставлен лист. Белый, сияющий во мраке лист. Письмо?

Она наклонилась. Прищурилась.

Дорогая Флора, я тебя абажаю. Но я слышу зоф природы. Я должен возфратиться в истественую среду абитания. Спасибо за макароны и сыр. Твой мистер Белк.

Мистер Белк?

Зов природы?

Я тебя обожаю?

Какое враньё! Да ещё с ошибками! Ничего более гадкого Флора в жизни не читала.

Только в самом конце проявилась правда. Вот эти две буквы – Ф и Л – они честные. Она знала, что Одиссей пытался в последний раз напечатать её имя. Пытался сказать, что любит её.

– Я тебя тоже люблю, – прошептала Флора двум буквам на листке.

Ну какой из неё циник? Шепчет «я тебя люблю» белке, которой даже рядом нет! Так, надо срочно осмотреть кухню, надо искать следы.

Но она действительно его любит. Его усики. Слова, которые он печатает. Его глазки, его счастливую мордочку, его решительное сердце, его ореховый запах. А как он красив в полёте!

Сердце у неё затыркало и заглохло. Как мотор. Почему она не сказала ему, как сильно она его любит? Почему?

Всё, хватит. Сейчас главное – другое. Главное – его найти. Зря она, что ли, читает серию *Преступники среди нас?* Целых два года читает! Ей понятно, что именно тут произошло. Одиссей похищен. И похититель – мама!

Флора глубоко вдохнула. Надо понять, что делать. Как действовать.

«В случае бесспорной и подлинной чрезвычайной ситуации или не вызывающего никаких сомнений преступления следует немедленно уведомить власти». Так сказано в *Преступниках*.

Флора была уверена, что эта ситуация бесспорно и подлинно чрезвычайная. Совершено преступление, не вызывающее никаких сомнений.

Но стоит ли уведомлять власти?

Допустим, она позвонит в полицию. Что им сказать-то?

Моя мать похитила мою белку?

Дальше в **Преступниках** говорится так:

«Если по каким-то причинам ты не можешь связаться с властями, следует звать на подмогу других людей. Подумай: кому ты доверишь? На кого можешь положиться в минуту опасности?»

Флора внезапно вспомнила свой сон. Вспомнила тёплую ладонь Уильяма Спивера в своей руке.

Она покраснела.

Кому она доверяет?

Да, господи, конечно же она доверяет Уильяму Спиверу!

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Тути спешит на помощь

Двадцать минут третьего. Ночь. Вся трава покрыта росой.

Флора пробиралась в темноте. Она запыхалась, потому что тащила с собой Мариан, а эта Мариан – несмотря на румяные щёчки, стройную фигурку и много дурацких кружавчиков – была невероятно тяжёлой.

«Толстуха несчастная», – думала Флора.

В комиксе *Преступники среди нас* есть раздел о переговорах. «Можно ли договориться с преступником? Это спорно. Зато верно другое: законы детского сада часто очень подходят для преступного мира. Что это значит? Это значит, что, если у преступника есть нечто, что тебе хочется получить, у тебя должно быть то, что хочется или нужно ему. Только в этом случае есть смысл начинать переговоры».

Больше всего на свете мама любит свою лампу. Флора с Уильямом Спивером найдут маму и предложат обменять пастушку на белку. И всё закончится хорошо. Как-то так...

Таков был Флорин план.

Но сначала надо найти Уильяма Спивера. Причём звонить в дверь его тётушки Тути посреди ночи – не самая лучшая идея. Это Флора понимала отчётливо.

– Уильям Спивер? – прошептала она.

Флора стояла в крошечной тьме с тяжелой лампой в руках и надеялась, что временно незрячий мальчик услышит её шёпот и поспешит на помощь – спасти её бельчонка

Одиссея, который то и дело попадает в передряги, откуда его – хоть он и супергерой – надо вызволять.

Невесёлые, в общем, дела.

– Уильям Спивер? – произнесла она тихо-тихо. – Уильям Спивер.

А потом начала повторять «Уильям Спивер» на все лады, всё громче и громче:

– УильямСпиверУильямСпиверУильямСпиверУильямСп
ивер-УИЛЬЯМСПИВЕРУИЛЬЯМСПИВЕРУИЛЬЯМСПИВЕР.

Нет, всё равно он её не услышит. Точно не услышит. Но она уже не могла остановиться. Стояла там как последняя идиотка и, на что-то надеясь, повторяла его имя.

– Флорабелла?

– УильямСпиверУильямСпиверУильямСпиверУильям-
Спивер.

– Флорабелла!

– УильямСпиверУильямСпиверУильямСпиверУильям-
Спивер.

– ФЛОРАБЕЛЛА!!!

Вот же он, в тёмном окне! Её отчаянное заклинание всё-таки подняло его с постели. Она повторяла: «Уильям Спивер». И вот он.

Уильям Спивер.

Или, по крайней мере, тень Уильяма Спивера.

– О, это ты, – сказала Флора, – привет.

– Да, это я. И вам привет, Флорабелла, – ответил Уильям Спивер. – Как приятно, что вы решили навестить меня глубокой ночью.

– Возникла чрезвычайная ситуация, – пояснила Флора.

– Понятно, – отозвался Уильям Спивер. – Позвольте, я надену халат?

Нет, он всё-таки неисправимый зануда!

– Это – чрезвычайная ситуация, Уильям Спивер. На халаты нет времени.

– Я сейчас надену купальный халат, – повторил Уильям Спивер, точно вовсе её не слышал, – и тут же сюда вернусь. Если пойму, куда – сюда. Для временно незрячего человека крайне трудно определить своё местонахождение и траекторию. Ориентироваться весьма непросто. Хотя, если совершенно откровенно, я испытывал затруднения в пространстве ещё до того, как ослеп. Я никогда не был, как говорится, хорошо координированным ребёнком. Я напрочь лишён подобных способностей. Дело даже не в том, что я постоянно на что-то натыкаюсь. В сущности, предметы сами выпрыгивают, возникают на моём пути откуда ни возьмись и натыкаются на меня. Моя мать говорит, что я не от мира сего, поэтому мир меня отвергает. Да, я живу не столько в мире, сколько в собственных размышлениях. Но разве я одинок? Разве не все мы существуем лишь в собственном сознании? Наш мозг – целая Вселенная. Вы разделяете это мнение, Флорабелла?

– Говорю тебе: ситуация чрезвычайная!

– Ну, тогда я только надену купальный халат, и мы всё уладим.

Флора положила Мариан на землю. И почему-то принялась озиаться, хотя вокруг была крошечная тьма. Что она ищет?

Неизвестно. Может, палку? Чтобы шарахнуть этого зануду по башке?

– Флорабелла? Вы здесь?

– Одиссея нигде нет! – крикнула она. – Моя мать его похитила. Я думаю, в неё вселился бес. И она способна его... ему... причинить ему боль.

«Не плачь, – сказала она себе. – Не плачь. Не надейся. Не смей плакать. Просто наблюдай».

– Ш-ш-ш, – сказал Уильям Спивер. – Всё будет хорошо, Флорабелла. Я помогу вам. Мы его найдём.

Тут в комнате Уильяма Спивера зажёгся свет и послышался голос Тути:

– Господи боже мой! Что ты делаешь, Уильям?

– Ищу купальный халат.

ТУТИ СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ!

Эти слова появились над головой Тути и засияли, как неоновая вывеска.

– Тути, – закричала Флора, – у нас чрезвычайная ситуация! Моя мать похитила белку.

– Флора? – Тути удивилась. И выглянула в окно. – Зачем тебе эта жуткая лампа?

– Это сложно объяснить... – начала Флора.

– Лампа? Опять? – воскликнул Уильям Спивер. – Почему? Какой в ней смысл?

– Моя мать любит эту лампу, – всё-таки решила пояснить Флора. – Я взяла её для обмена. Для выкупа.

– На крайний случай все средства хороши, – согласилась Тути.

– Именно, – подхватила Флора. – У нас чрезвычайная ситуация.

– Я сейчас, – сказала Тути. – Только возьму сумочку.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Ничего личного

Темно. Очень, очень темно. И пахнет дымом.

Флорина мама засунула его в мешок, перекинула мешок через плечо и куда-то пошла. И вот она идёт и идёт. А в мешке очень темно. Напоследок, перед тем как затянуть узел, она подняла с пола листок бумаги с его стихотворением и тоже сунула в мешок.

Для чего? Подбодрить его? Или, наоборот, подразнить?

А может, она просто заметала следы?

Одиссей не знает ответа, но прижимает смятый лист к груди и пробует успокоиться. Он рассуждает так: *Я попал в неприятности похуже этой.*

Ага, а теперь надо вспомнить эти неприятности.

Ну, во-первых, однажды пикап переехал ему хвост. Боль адская. Во-вторых, тот случай с духовым ружьём. И с плюшевым мишкой. Ах да, ещё садовый шланг. Рогатка. Лук со стрелами. Резиновыми.

Но все неприятности и потери прошлого меркнут в сравнении с тем, что стоит на кону сейчас: он может потерять Флору! Такую любимую Флору с такой любимой круглой головой. Сырные подушечки. Стихи. Пончики-великаны.

Что?! Неужели он покинет этот мир, так и не попробовав великанского пончика?

А ведь есть ещё и Тути! Тути обещала почитать ему стихи. Вслух. И что? Уже не почитает? Никогда?

В мешке очень темно.

В мире очень темно. Везде.

Я скоро умру, – думает Одиссей. Он покрепче прижимает к груди своё стихотворение, бумага шуршит и вздыхает.

– Ничего личного, мистер Белк, – произносит Флорина мама. Одиссей замирает. Он не верит своим ушам.

– Лично к тебе у меня нет никаких претензий, – продолжает она. – Речь о Флоре. О Флорабелле. Она – нестандартный ребёнок. Мир таких не жалуется. Она и раньше была особенной, но теперь это усугубляется. С каждым днём. Вот завела себе белку, ходит с белкой на плече, разговаривает с ней. А белка какова! Печатает, летает! А дочь с ней разговаривает! Нехорошо это. Совершенно неправильно!

Флора особенная?

Ещё бы! Конечно, особенная.

Но что в этом плохого?

Она особенная, потому что она – лучше всех. У неё такое большое, просторное сердце. Не меньше, чем у её отца, Джорджа Бакмена.

– Знаешь, чего я хочу? – спрашивает вдруг Флорина мама.

Одиссей не знает ответа.

– Я хочу, чтобы всё было нормально, как у людей. Хочу иметь весёлую и счастливую дочь. Хочу, чтобы у неё были нормальные друзья, не белки. И я не хочу, чтобы она осталась одинокой и нелюбимой в этом жестоком мире. Но кому какое до этого дело?

Мне! Мне есть до этого дело! – думает Одиссей. – *Я хочу, чтобы Флора была счастлива.*

– Что ж, пора, – говорит мама. – Начатое надо довести до конца. Она останавливается.

Ой, – думает Одиссей.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Место назначения неизвестно

Пути вела машину.

Если, конечно, слово «вела» тут применимо.

Руки у неё не лежали где положено – на десяти и двух часах. Руки у неё вообще на руле не лежали. Только один палец. Папа был бы в ужасе, наверняка.

Они сидели на переднем сиденье, все вчетвером: Тути, Мариан, Флора и Уильям Спивер. Машина неслась по дороге на дикой скорости. Было разом и страшно, и весело.

– Таким образом, ваш план состоит в том, чтобы произвести обмен? – сказал Уильям Спивер. – Обменять лампу на белку?

– Да, – ответила Флора.

– Но – и, пожалуйста, поправьте меня, если я неправ, – мы понятия не имеем, где белка и ваша мама.

Флора ненавидела фразу «поправьте меня, если я неправ». Обычно так говорят люди, которые точно знают, что они правы.

– Одиссей! – вдруг крикнула Тути в открытое окошко. – Одиссей!

Флора представила, как имя её белки, **ОДИССЕЙ**, вылетает из машины и устремляется вверх, в ночь, одинокое и прекрасное. И тут же тонет среди ветра и тьмы. Сердце у неё сжалось. Ну почему, почему, почему она не сказала бельчонку, как сильно она его любит?

– Мне бы не хотелось быть гласом разума... – начал Уильям Спивер.

– Вот и не будь, – отозвалась Флора.

– Но мы едем, мы несёмся на дикой скорости неведомо куда. Я прав, тётя Тути? Мы ведь явно превышаем скорость?

– Здесь нет никаких ограничений, – ответила Тути. И снова позвала Одиссея в окошко.

– И тем не менее, – сказал Уильям Спивер. – По-моему, мы едем чрезвычайно быстро. А куда именно? Мы не знаем. Место нашего назначения неизвестно. Так в чём смысл? Просто мчаться и звать потерянную белку? Мне не кажется это рациональным.

– Ну так предложи что-нибудь. – Флора вздохнула. – Каков твой план?

– Надо подумать, где ваша мать могла бы его спрятать. Надо действовать логично и методично. По науке.

– Одиссей! – крикнула Тути.

– Одиссей! – подхватила Флора.

– Ваши крики не заставят его появиться, – сказал Уильям Спивер.

Вот с этим Флора никак не могла согласиться. И за примерами не надо ходить далеко. Она повторила имя Уильяма Спивера много раз – и он появился! В УЖАСАХ, ГРОЗЯЩИХ НАМ ЕЖЕЧАСНО, это называлось мысленным волшебством или сотворением событий усилием воли. В комиксе предупреждали, что это довольно опасно. То есть опасно считать, что именно твои мысли и слова непосредственно влияют на Вселенную.

Но иногда так и случается, верно?

«Не надейся», – велела себе Флора.

Но как удержаться? Она надеялась. И надеется. И будет надеяться.

– Одиссей! – закричала она.

Машина заметно снизила скорость.

– Что такое? – спросил Уильям Спивер. – Мы получили какие-то сведения? Или заметили следы белки?

Тути вырулила на обочину – по-прежнему одним пальцем – и остановила машину.

– Позвольте, я выскажу предположение! – воскликнул Уильям Спивер. – У нас кончился бензин.

– Да, кончился, – подтвердила Тути.

– Символично, – усмехнулся Уильям Спивер.

Интересно, почему Флора решила, что Уильям Спивер вызовет Одиссея? Почему ей взбрело в голову, что Уильям Спивер – её надежда и опора? Что на него можно положиться в минуту опасности? Из-за дурацкого сна? В котором они по-дурацки держались за руки? Или потому что он никогда не закрывает рта, а она всё ждёт, что однажды он скажет что-то важное и полезное?

Вот оно – мысленное волшебство. На что она тратит усилия своей воли?

– Где мы? – спросила Флора у Тути.

– Я как-то... не вполне представляю... – пролепетала Тути.

– Отлично! – воскликнул Уильям Спивер. – Мы ещё и заблудились. Впрочем, мы с самого начала не знали цели нашего путешествия.

– Придётся идти пешком, – сказала Тути.

– Это очевидно, – сказал Уильям Спивер. – Вопрос – куда?

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ

Он – Одиссей!

Они в лесу.

Он знает это точно, потому что чует запах сосновой смолы и слышит, как шуршат сосновые иглы под ногами Флориной мамы. А ещё очень сильно пахнет енотом. Еноты – звери ночные и вправду ужасные, куда более жестокие, чем кошки.

– Пожалуй, здесь, – говорит Флорина мама. Останавливается. Кладёт мешок на землю. Развязывает узел.

На Одиссея падает луч света. Фонарик? Он прижимает свой стих к груди и смело смотрит прямо в этот луч.

– Дай сюда. – Мама вытаскивает лист у него из лапок. Бросает на землю.

Любит она швыряться его словами, ох любит.

– Конец пути, мистер Белк, – произносит она. И кладёт фонарик на землю. И поднимает лопату.

Ту самую лопату!

Он вспоминает голос Флоры: «Помни, кто ты».

Одиссей поворачивается, нюхает свой хвост.

Вспоминает, как Флора показала ему картинку: Альфред Т. Валкинс в форме уборщика, а потом этот Альфред преобразился – стал потоком яркого света по имени Инкандес-то. А ещё он вспоминает слова из стихотворения, которое читала Тути. Они как-то сами возникли внутри его, вспыхнули, взметнулись огнём.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Хочу домой

Полярная звезда – лучший ориентир. Так считается.

Мох растёт с северной стороны деревьев. Так, во всяком случае, говорят.

Если ты заблудился, не броди, оставайся на месте. Кто-нибудь придёт и найдёт тебя. Возможно.

Все эти правила Флора вычитала в серии **ЭТИ УЖАСЫ ГРОЗЯТ ЛЮБОМУ ИЗ НАС**. Только к нынешнему случаю они совершенно не подходили. Ведь Флора, Тути и её внучатый племянник потерялись не в лесу. Они затеряны во Вселенной, которая, если верить Уильяму Спиверу, расширяется. Это очень вдохновляет.

– Одиссей! – кричала Тути.

– Одиссей! – кричала Флора.

– Это бессмысленно, – сказал Уильям Спивер.

Флора несла Мариан, Уильям Спивер держался за плечо Тути.

Флоре ужасно не хотелось соглашаться с Уильямом Спивером, но слово «бессмысленно» описывало ситуацию довольно точно. С каждой минутой – всё точнее. Пастушка, хоть и маленькая, была ужасно тяжёлой. Руки у Флоры ломило. И ноги ломило. И сердце...

– Погодите, – сказала Тути, всматриваясь в темноту. – Вон там – улица Брикнелл. Значит, мы всё-таки не заблудились окончательно.

– Жаль, что я не могу видеть, – печально произнёс Уильям Спивер.

– Можешь, – сказала Тути.

– Дорогая тётя Тути, я не любитель повторять очевидное, но сейчас я вынужден это сделать, чтобы расставить точки над *i*. Вы – не я. И мне виднее, что именно происходит с моими травмированными глазными яблоками. Я говорю чистую правду, для меня она такова. Я не вижу.

– С твоими яблоками всё в порядке, Уильям, – сказала Тути. – Сколько раз тебе повторять?

– Почему же она меня отослала? – Голос Уильяма Спивера дрогнул.

– Ты сам знаешь почему.

– Я? Нет!

– Столкнуть чужой грузовик в озеро! – воскликнула Тути. – За это наказывают.

– Это был пруд, – заспорил Уильям Спивер, – совсем маленький прудик. В сущности – лужа. Лужица.

– Нельзя утопить чужой грузовик и считать, что не будет ни кары, ни последствий, – громко сказала Тути. – Серьёзных последствий.

– Я сделал это в ярости, – сказал Уильям Спивер. – И почти немедленно признал, что принял крайне неудачное решение.

Тути покачала головой.

– Ты столкнул грузовик в озеро? – поразилась Флора. – Каким образом?

– Снял с ручного тормоза, завёл двигатель и...

– Довольно! – оборвала его Тути. – Нам не нужны инструкции. Мы не собираемся сталкивать чужой грузовик в озеро.

– Это был маленький прудик, – твердил Уильям Спивер. – Или большая лужа.

– Ничего себе! – сказала Флора. – Но почему ты так сделал?

– Я мстил Тайрону, – ответил Уильям Спивер. – Меня же зовут Уильям. Уильям Спивер. Не Билли. А он заладил своё: Билли-Билли, Билли-Билли. Вот я и сорвался. Загнал его драндулет в этот... водоём. Моя мать узнала и разозлилась... на меня. Я увидел её злость, её гнев и... знаете, что произошло? Я ослеп! Я не поверил своим глазам и ослеп от горя. – Он покачал головой. – Я её сын. А она меня выгнала. Отослала прочь.

Даже в темноте Флора видела, что из-под тёмных очков Уильяма Спивера текут слёзы.

– Я Уильям Спивер. Хочу, чтобы меня называли именно так, – сказал он. – И хочу домой.

Флора почувствовала, что сердце у неё ёкнуло и накренилось.

«Хочу домой».

Какие печальные, красивые слова. Умеет же этот Уильям Спивер!

«Вы вернётесь?»

«Я искал вас».

«Хочу домой».

Флора поняла, что тоже хочет домой. Чтобы всё стало по-прежнему. Как до изгнания.

Она положила Мариан на землю.

– Дай мне руку, – сказала она.

– Что? – Уильям Спивер удивился.

– Дай мне руку, – повторила Флора.

– Мою руку? Зачем?

Флора сама дотянулась, взяла Уильяма Спивера за руку, и он крепко сжал её ладонь. Словно он тонет, а она стоит на твёрдой земле и должна его вытащить. Согласно **ГРОЗЯЩИМ НАМ УЖАСАМ**, тонущие люди впадают в панику от страха и отчаяния. Если спасатель не проявит осторожность, они могут и его под воду утянуть.

В общем, Флора крепко держала за руку Уильяма Спивера. А он – её.

В точности как в том сне. Она держала за руку Уильяма Спивера, а он – её.

– Ну, раз вы теперь пойдёте вместе, нести это чудище, видимо, придётся мне, – сказала Тути и подхватила пастушку Мариан.

В вышине над ними сияли звёзды. Сияли ярче, чем когда-либо раньше во Флориной жизни.

– Жаль, что здесь нет моего отца, – сказал Уильям Спивер. И вытер слёзы свободной рукой.

А Флора тут же представила своего отца: руки в карманах, шляпа на затылке, улыбка во весь рот. Представила, как он говорит «бумба-багумба!» голосом попугаихи Долорес.

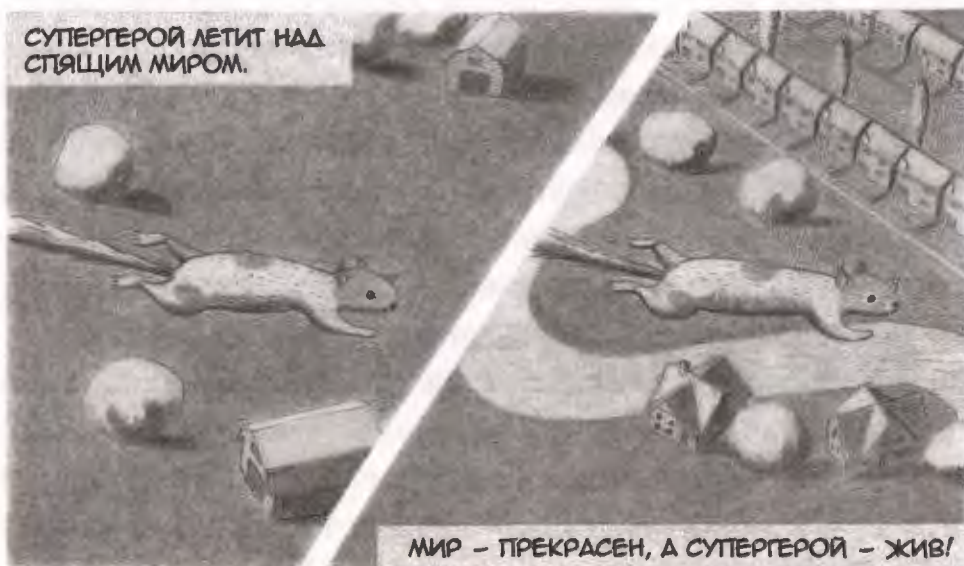
Папа.

Она так его любит. Она так хочет его увидеть.

– Я знаю, куда надо ехать, – сказала Флора.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

На пончике-великане

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Сардинки

– **И** тут влетает белка, – говорит доктор Мишам. – Вот уж этого я совершенно не ожидала. За что я обожаю жизнь, так это за неожиданности! В детстве, в Бландермицене, мы именно поэтому всегда оставляли окно нараспашку даже зимой. Мы верили, что через открытое окно к нам непременно залетит что-нибудь удивительное. «Ну и как, залетало?» – спросишь ты. Иногда да, иногда нет. Но сегодня это случилось! Чудо! Настоящее удивительное чудо! – Доктор Мишам хлопает в ладоши. – Я оставила окно открытым. И тут влетает белка! Вот уж порадовал старуху!

Одиссей тоже счастлив. Он не потерялся, не заблудился! Он нашёлся. И доктор Мишам поможет ему найти Флору.

А ещё есть надежда, небольшая такая надежда, что доктор Мишам сделает ему бутерброд с повидлом.

– Хорошо, что я не спала! – радуется доктор Мишам. – Я бы тогда всё пропустила. Вообрази моё огорчение! Но я же не даром страдаю бессонницей, для чего-то же она мне понадобилась! Кстати, ты знаешь, что такое бессонница?

Одиссей качает головой.

– Это значит, что я не сплю. Бессонница у меня всю жизнь. Я ещё в Бландермицене не спала. Отчего? Кто знает... Может, тролли в глубоком детстве напугали. Может, просто организм так устроен. Не на всё в мире есть причина. Чаще всего никаких причин нет. И не всё в мире объяснимо, ох не всё.

Но что-то я разболталась. Слишком много говорю. Давай-ка я тебя лучше спрошу: почему ты здесь? И где твоя Флора-белла?

Одиссей смотрит на доктора Мишам.

Большими круглыми глазами.

Как же рассказать ей обо всём, что произошло? Про Флорину маму, которая сказала, что без Флоры ей будет легче жить; про Вселенную, которая расширяется; про изгнание Уильяма Спивера; про Флорину тоску; про стихи, которые он сочинил; про ужасные слова, которые его заставили напечатать; про каменную белку; про мешок; про лес, про лопату...

Сколько всего надо рассказать! Как? Как же это сделать?

Он вспоминает стихи, которые читала Тути: «Выйдя из замысла, ты ступай до пределов стремленья, тоски за край...»

Он смотрит вниз, на свои передние лапки.

Оглядывается на доктора Мишам.

– Много событий? – подсказывает она. – Не знаешь, с чего начать?

Одиссей кивает.

– А давай начнём с перекуса?

Одиссей кивает много раз.

– Когда другой доктор Мишам был ещё жив, а меня терзала бессонница, знаешь, что делал для меня этот человек? Он надевал шлёпанцы посреди ночи, шёл на кухню и делал для меня бутерброды: клал сардинки на крекеры. Ты знаешь, что такое сардинки?

Одиссей мотает головой.

– Рыбки такие, в консервной баночке. Он вынимал их, клал на крекеры, и нёс мне целую тарелку. Я слышала, как он шёл по коридору и напевал. – Доктор Мишам вздыхает. – Это называется «нежность». Когда кто-то встаёт с кровати, приносит тебе бутерброды, сидит рядом, пока ты их ешь в темноте. И не то напевает, не то похмыкивает, не открывая рта. Это – любовь.

Доктор Мишам вытирает глаза. Улыбается Одиссею.

– Что ж, – говорит она. – Я сделаю для тебя то, что делал для меня мой любимый: сардинки на крекерах. Годится?

Одиссей кивает. Отличное предложение!

– Мы поедим, потому что еда – это очень важно. А потом мы постучимся к мистеру Джорджу Бакмену. Не страшно, что уже ночь, всё равно постучимся. И он откроет нам дверь, потому что у него широкое, вместительное сердце. И мы непременно разберёмся, почему ты здесь и где наша Флорабелла.

Одиссей снова кивает.

Доктор Мишам уходит на кухню, а он сидит на подоконнике и изучает тёмный мир.

Флора где-то там.

Он её найдёт. Она его найдёт. Они найдут друг друга. И он напишет ей ещё одно стихотворение. О рыбках. И о песнях, которые поют среди ночи, не открывая рта.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЁРТАЯ

Чудо

Флора стояла на обочине.

Оказывается, вдоль шоссе валяется множество глупых и неожиданных вещей. Во-первых, всякая обувь. Во-вторых, носки и гольфы, перепутанные, скрученные в клубки. Светлоголубые эластичные слаксы со строгой складкой. Неужели люди едут и раздеваются на ходу?

Ещё были металлические предметы: колёсные колпаки, ржавые ножницы, свеча зажигания. И совсем уж необъяснимые вещи. Например, пластмассовый банан, яркий, нереально жёлтый банан, который сиял в темноте, как солнце. Флора даже наклонилась, чтобы его рассмотреть.

– Что вы делаете, Флорабелла? – спросил Уильям Спивер.

Он тоже остановился, поскольку они, как это ни удивительно, до сих пор держались за руки, то есть были скованы одной цепью.

– Смотрю на банан, – ответила Флора.

Тути шагала впереди, прижимая к себе пастушку, и то и дело звала Одиссея.

Ладонь Уильяма Спивера вспотела. А может, это у Флоры ладонь вспотела? Трудно сказать наверняка. Уильям Спивер всё ещё тихонько плакал, Одиссей всё ещё не нашёлся, и они всё ещё шли по шоссе под предводительством лампы Мариан и иногда останавливались, чтобы посмотреть на гольфы и пластмассовые бананы.

Неспроста это всё.

Но в чём смысл?

Флора мысленно листала все выпуски *Блистательных приключений потрясающего Инкандесто*, все выпуски *УЖАСОВ* и *Преступников среди нас*. Все комиксы, которые она когда-либо читала. Она искала совета, намёка, крошечную подсказку: что же делать дальше?

И ничего не находила. Справляйся как хочешь.

Она засмеялась.

– Над чем вы смеётесь, Флорабелла? – спросил Уильям Спивер.

Она засмеялась громче. И Уильям Спивер тоже засмеялся.

– Что у вас там весёлого? – спросила Тути не оборачиваясь.

– Всё, – сказала Флора.

– Ха-ха! – рассмеялась Тути.

И скоро все они хохотали. За исключением Мариан. Она была неодушевлённой и смеяться не умела. Но даже если б умела, скорее всего не стала бы. Она не из тех. Не из тех ламп. Не из тех пастушек.

Они по-прежнему хохотали, когда временно незрячий Уильям Спивер наступил на шнур от лампы, споткнулся и упал.

Поскольку руку Флоры он так и не выпустил (или она не выпустила его руку?), Флора тоже упала. Прямо на Уильяма Спивера.

Хруст. Звон.

– О нет! – простонал Уильям Спивер. – Мои очки! Разбились!

– Ради бога, Уильям, – сказала Тути. – Эти очки тебе совершенно не нужны.

Флора находилась так близко к Уильяму Спиверу, что чувствовала, как где-то внутри него бьётся сердце. Она подумала: «В последнее время я слышала стук многих сердец».

– Погодите! – сказал вдруг Уильям Спивер. И поднял голову. – Замолчите все, умоляю. Что это за крошечные точки надо мной светятся?

Флора посмотрела туда, куда смотрел Уильям Спивер.

– Это звёзды, Уильям Спивер, – сказала она.

– Я вижу звёзды! Я вижу! Тётя Тути! Флорабелла, я вижу!

– Это – чудо, – сказала Тути.

– Пари Паскаля, – сказала Флора. – Верить лучше, чем не верить.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Откройте дверь

В коридорах папиного дома всегда царил угрюмый зеленоватый сумрак, независимо от времени суток.

– Не теряйте бдительности, – предупредила Флора. – Тут где-то кот.

– А, печально знаменитый Мистер Клаус! – Уильям Спивер оглядывался, ища кота. И улыбался во весь рот. – Кот, побеждённый белкой. Одиссеем-супергероем. А бдительность я теперь не потеряю никогда. Буду следить во все глаза. Наверно, я вам уже надоел, но повторю в сотый раз: как же здорово видеть мир! Я точно заново родился. И теперь ничто, ничто не ускользнёт от моего пристального внимания.

– Ты мой золотой! – воскликнула Тути.

– Слушай, я ведь не шучу, – сказала Флора. – Мистер Клаус выскакивает откуда ни возьмись. Бди!

– Бдю! – закивал Уильям Спивер. – Мои глаза широко открыты. Практически распахнуты!

– Постучи ещё раз, – предложила Тути.

Флора постучала.

Где же может быть папа посреди ночи? Неужели его тоже кто-то похитил? Ей представилось облачко со словами:

ТАИНСТВЕННОЕ ПОХИЩЕНИЕ ДЖОРДЖА БАКМЕНА.

И тут она услышала папин смех.

Только смех доносился не из его квартиры. Папа смеялся в квартире 267.

– Доктор Мишам! – воскликнула Флора.

– Кто-кто? – спросил Уильям Спивер.

– Доктор Мишам. Постучи в ту дверь, быстро! – велела Флора.

Уильям Спивер уже поднял руку, чтобы постучать к доктору Мишам, как вдруг дверь распахнулась сама.

– Флорабелла, девочка моя! – разахалась доктор Мишам. – Мой прекрасный цветок! – Она широко улыбалась, и её естественно белые зубы сияли, освещая сумрачный коридор. На плече у неё сидел... Одиссей.

Позади Одиссея и доктора Мишам стоял папа. В пижаме. На голове – шляпа.

– Джордж Бакмен, – представился всем папа, приподняв шляпу. – К вашим услугам.

– Одиссей? – Флора не верила своим глазам.

И он ей ответил!

Он к ней полетел. Его маленькое тёплое тельце ударилось ей в грудь с глухим стуком, с силой, почти сбив её с ног. Она обхватила, обняла его – руками, ладонями, собой.

– Одиссей, – прошептала она. – Я тебя так люблю...

– Сколько счастья! – воскликнула доктор Мишам. – В детстве, в Бландермицене, так всегда и было. Всегда. Откроешь, бывало, дверь посреди ночи и увидишь любимое лицо. Человека, по которому тоскуешь. Ну, не всегда, конечно. Иногда там стоял кто-то, кого ты вовсе не хочешь видеть... бывало и так... Но мы, в Бландермицене, всегда открывали дверь, потому что

надеялись увидеть тех, кого любим. – Доктор Мишам перевела взгляд на Уильяма Спивера и затем на Тути. И снова улыбнулась. – Или кого ещё не знаем, но можем полюбить.

– Я – Тути Тикхем, – сказала Тути. – Очень рада с вами познакомиться. Это мой племянник, Уильям. Извините, не пожму вам руку, у меня руки заняты, я держу лампу.

– На самом деле я ваш внучатый племянник, и зовут меня Уильям Спивер, – поправил её Уильям Спивер и дальше обратился к доктору Мишам: – Я понимаю, что мы слишком недолго знакомы и, возможно, пока не пристало сообщать вам столь удивительную и очень личную информацию, но я всё же скажу, что был временно незрячим, а теперь снова вижу. Кроме того, я не могу не признаться, что ваше лицо очень красиво. В сущности, все лица вокруг меня очень красивы. – Он повернулся к Флоре: – Ваше лицо, Флорабелла, особенно красиво. Вашу прелесть не портит даже замогильный мрак этого коридора.

– Замогильный мрак? – повторила Флора.

– Потому её и зовут Флорабелла, – вставил папа. – Мой прекрасный цветок.

Флора чувствовала, что заливается краской.

– Да-да, у нашей девочки – прекрасное лицо! На то она и Флорабелла Бакмен, – подхватила доктор Мишам. – Но что же вы топчетесь в коридоре? Входите скорее! Входите!

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Умоляю! Заткнись, Уильям Спивер!

– **М**ы тут без вас говорили с Одиссеем, – сказала доктор Мишам. – Пытались понять, что с ним случилось. Успели разобраться, что в этой истории фигурировали лопата и мешок. И лес. И стихотворение.

– И пончик-великан, – добавил папа.

Одиссей, сидевший на плече у Флоры, энергично кивал. От его усов отчётливо пахло рыбой.

Флора скосила глаза и спросила:

– А где моя мама?

Одиссей покачал головой.

– Пап, а ты не знаешь? – спросила Флора. – Где мама?

– Даже не представляю. – Папа поправил шляпу. Потом он попытался сунуть руки в карманы, но сообразил, что он в пижаме, а в ней никаких карманов нет. Папа засмеялся и пробормотал: – Багумбятина!

– Нам нужна пишущая машинка, – сообразила Флора.

Одиссей закивал.

– Как только мы раздобудем машинку, мы выясним правду, – сказала Флора.

– Правда – весьма относительное, даже скользкое понятие, – заявил Уильям Спивер. – Сомневаюсь, что мы когда-либо выясним правду. В лучшем случае мы выясним одну из версий. Но насчёт самой правды – я сильно сомневаюсь.

– Умоляю! Заткнись, Уильям Спивер! – не выдержала Флора.

– Ш-ш-ш, – сказала доктор Мишам. – Спокойно, спокойно. Может, хотите сардинок?

– Я не хочу сардинок, – сказала Флора. – Я хочу знать, что произошло. И где моя мать.

Ровно в ту же минуту за дверью, в подъезде, что-то загрохотало. Потом раздался звериный вой, а следом – долгий, душе-раздирающий вопль.

– Что это? – встрепенулся Уильям Спивер.

– Это Мистер Клаус, – сказала Флора. – Он на кого-то напал.

Снова крик и – наконец – первые членораздельные слова:

– Джордж, Джордж!

Папа ахнул:

– Это же Филлис.

– Там мама, – сказала Флора.

Одиссей напрягся. И вцепился когтями в плечо Флоры.

Флора скосила на него глаза.

Одиссей закивал.

Папа выбежал в коридор, Флора – за ним, а за ней – Уильям Спивер.

Снизу, из холла, снова донёсся мамин крик:

– Джордж, Джордж, пожалуйста, только скажи: моя девочка здесь?

Флора повернулась к Тути:

– Покажите ей лампу! Она волнуется за Мариан.

И снова кошачий вой.

ЧТО Ж, НАСТАЛ ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС ДЛЯ БЕЛКИ-СУПЕРГЕРОЯ!
ОДИССЕЙ ПОБЕДИТ ЗЛОДЕЯ! ОН СПАСЁТ АНТИГЕРОИНЮ!

КТО ПОБЕДИТ?
КТО БУДЕТ
ПОВЕРЖЕН?

«Я? Мама обо мне?» – растерялась Флора.

– Она здесь, – ответил папа.

Мама расплакалась.

– Спокойствие! – воинственно объявила Тути. – У меня оружие.

Вклинившись в драку, она ударила Мистера Клауса по голове. Лампой Мариан.

Кот свалился на пол, а пастушка была так потрясена совершённым ею актом насилия, что взяла да и разбилась. Звон удар – и её личико, её прелестное румяное личико вместе с головой разлетелось на множество осколков.

– Ох! – воскликнула Тути. – Я разбила лампу.

– Та-а-ак, – сказала Флора. – Держитесь!

Но мама не смотрела на лампу. Мама не смотрела на осколки лампы. Она смотрела на Флору.

– Флора, – сказала мама. – Флора, я пришла домой, а тебя нет. Я так испугалась!

– Она здесь. – Уильям Спивер легонько подтолкнул Флору к маме.

– Я здесь, – повторила Флора.

Мама перешагнула через осколки пастушки. И обняла Флору.

– Девочка моя, – прошептала мама.

– Я? – удивилась Флора.

– Ты.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Диван из конского волоса

Мама сидела на диване из конского волоса. Папа тоже. Он держал её за руку.

Или наоборот.

Так или иначе, мама с папой сидели, держась за руки.

Доктор Мишам протёрла спиртом укусы и царапины, которыми наградила маму Мистер Клаус.

– Ай-ай, уй-й-й-й, – причитала мама.

– Иди-ка сюда, – сказала Флоре доктор Мишам. Она похлопала по дивану. – Сядь. Здесь. Рядом с мамой.

Флора села и тут же начала сползать. Может, чтобы сидеть на диване из конского волоса, нужны особые навыки? У неё пока не получалось.

И тут около неё сел Уильям Спивер, так что она оказалась зажатой между ним и мамой.

Скольжение прекратилось.

– Я поднялась к тебе в комнату, – всё повторяла мама. – Поднялась, а тебя нет.

– Я искала Одиссея, – ответила Флора. – Я решила, что ты его похитила.

– Так и было... – подтвердила мама.

Сидевший на плече у Флоры Одиссей согласно закивал. Его усики щекотали щёку Флоры.

– Я хотела каким-то образом исправить нашу жизнь, – сказала мама. – Чтобы всё вошло в норму.

– Норма – это, разумеется, иллюзия, – заметил Уильям Спивер. – Нормы не существует.

– Замолчи, Уильям, – сказала Тути. – Не мешай.

– Но когда я пришла домой, а тебя нет... – Мама снова заплакала. – Мне уже было всё равно: норма, не норма. Мне просто надо было тебя найти.

– Вот же она, миссис Бакмен, – сказал Уильям Спивер совсем тихонько.

«Да, я вот она, – подумала Флора. – И моя мама меня любит. Ничего себе багумбятина!»

А потом она подумала: «Нет, я не стану плакать».

И заплакала. По её щекам катились огромные слезы. Они приземлялись на диван из конского волоса, на миг замирали, а потом, дрогнув, скатывались вниз, на пол.

– Вот видишь? – сказала доктор Мишам и улыбнулась Флоре. – Я же говорила. Для слёз этот диван и предназначен.

– Миссис Бакмен, а что у вас в руке? – спросил Уильям Спивер. – Что это за листок?

– Это – стихотворение, – сказала мама. – Одиссей написал. Для Флоры.

– Ой, глядите! – воскликнула Тути.

Все повернулись. Тути держала в руках обезглавленную Мариан. Она включила шнур розетку. Лампа горела!

– Она работает! – радовалась Тути. – Удивительно, правда?

– Прочитай же, Филлис! – попросил папа. – Прочитай стихотворение.

– Какая прелесть! – воодушевилась Тути. – Мы будем читать стихи!

– Это беличий стих, – сказала мама. – Но хороший.

Одиссей гордо распушил грудь.

– «Слова для Флоры», – произнесла мама. – Это название.

– Мне нравится такое название, – сказал Уильям Спивер.

Он взял Флору за руку. Сжал её ладонь.

– Не жми, больно, – шепнула Флора. Но руку не убрала.

Они с Уильямом Спивером держались за руки, а мама читала стихотворение, которое написал Одиссей.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Как бы конец

Ну конечно, это только начало.

Он напишет ещё.

Обязательно – про то, как в Бландермицене всегда открывали двери. Про спасение Филлис Бакмен от Мистера Клауса. Про Мариан, которая разбилась, но светит. Про сардинки.

Да-да, обязательно – про маленькие рыбки-сардинки.

Ещё он хочет написать о том, что пока не произошло. Например, стих, в котором позвонит мама Уильяма Спивера. Позвонит и попросит его вернуться домой. И другой стих, в котором другой доктор Мишам навестит этого доктора Мишам. Он будет сидеть возле неё, и напевать, и смотреть на неё спящую. А потом, может быть, напишется ещё одно стихотворение – о диване из конского волоса. И о пылесосе.

Он будет писать и писать. И всё будет сбываться. Или кое-что. Или всё. Или бóльшая часть.

Одиссей смотрит в окно и видит, что на дальнем краю неба всходит солнце. Не пора ли поесть?

И тут бельчонка посещает замечательная мысль.

Вдруг на завтрак дадут пончики? Пончики-великаны?

ЭПИЛОГ

Беличий стих

СЛОВА ДЛЯ ФЛОРЫ

без тебя
не будет проще
без тебя
не будет легче
потому что ты
это кварки и глазурь
и пончики-великаны
и глазуня – глаза как солнышки
ты моя вселенная
она расширяется
всегда

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА первая. Прирождённый циник	11
ГЛАВА вторая. В голове у белки	16
ГЛАВА третья. Смерть белки	17
ГЛАВА четвёртая. Немного о циниках	18
ГЛАВА пятая. Он возвращается	22
ГЛАВА шестая. Как бороться с истерикой	23
ГЛАВА седьмая. Возрождение	24
ГЛАВА восьмая. Полезная информация	26
ГЛАВА девятая. Пылающий мир	30
ГЛАВА десятая. Контрабандная белка	33
ГЛАВА одиннадцатая. Гигантский чан Инкандесто	38
ГЛАВА двенадцатая. Силы зла	43
ГЛАВА тринадцатая. Пишущая машинка	46
ГЛАВА четырнадцатая. Белк!	49
ГЛАВА пятнадцатая. Электрический стул	52
ГЛАВА шестнадцатая. Жертвы затяжной галлюцинации	54
ГЛАВА семнадцатая. Пахнет белкой	58
ГЛАВА восемнадцатая. Научное приключение	62
ГЛАВА девятнадцатая. Случайное «я»?	68
ГЛАВА двадцатая. Что он напечатал	71
ГЛАВА двадцать первая. Это стихи	72
ГЛАВА двадцать вторая. Гигантское Ухо	76
ГЛАВА двадцать третья. Появление антигероя	79
ГЛАВА двадцать четвёртая. Погони, угрозы, стрельба, яд и т. д.	82
ГЛАВА двадцать пятая. Ворвань	84

ГЛАВА пятьдесят седьмая. Тути спешит на помощь.....	193
ГЛАВА пятьдесят восьмая. Ничего личного	199
ГЛАВА пятьдесят девятая. Место назначения неизвестно	201
ГЛАВА шестидесятая. Он – Одиссей!	205
ГЛАВА шестьдесят первая. Хочу домой.....	208
ГЛАВА шестьдесят вторая. На пончике-великане	212
ГЛАВА шестьдесят третья. Сардинки	214
ГЛАВА шестьдесят четвёртая. Чудо.....	217
ГЛАВА шестьдесят пятая. Откройте дверь	221
ГЛАВА шестьдесят шестая. Умоляю! Заткнись, Уильям Спивер!	225
ГЛАВА шестьдесят седьмая. Диван из конского волоса	230
ГЛАВА шестьдесят восьмая. Как бы конец.....	235
ЭПИЛОГ. Беличий стих	236

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

ДИКАМИЛЛО Кейт

ФЛОРА И ОДИССЕЙ БЛИСТАТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Повесть

Ответственный редактор *А. Ю. Бирюкова*

Художественный редактор *Н. В. Корнер*

Технический редактор *С. А. Грачёва*

Корректоры *Т. С. Дмитриева, О. А. Левина*

Вёрстка *М. Ю. Ковригина*

Подписано в печать 25.12.2014.

Формат 84 × 100 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура «NewBaskerville». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,4.

Тираж 5000 экз. D-DL-15638-01-R. Заказ 5808/14.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака Machaon

119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Тел. (495) 933-76-00, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге

191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 2-й этаж

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

ЧП «Издательство «Махаон»

61070, Харьков, ул. Ак. Проскуры, д. 1

Тел. (057) 315-15-64, 315-25-81

e-mail: machaon@machaon.kharkov.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А

www.pareto-print.ru

КЕЙТ ДИКАМИЛЛО,

современная американская писательница, получила признание как автор детских сказок. Они принесли ей всемирную известность и множество наград, в том числе золотую медаль всеамериканской ассоциации «Выбор родителей» и «Медаль Ньюбери» за особый вклад в детскую литературу. Российские читатели знают Кейт ДиКамилло по её замечательным книгам: «Спасибо Уинн-Дикси», «Удивительное путешествие кролика Эдварда», «Приключения мышонка Десперио», «Как слониха упала с неба», «Парящий тигр».

ФЛОРА И ОДИССЕЙ –

новая история от Кейт ДиКамилло. В ней рассказывается о бельчонке Одиссее, которого девочка Флора спасла из засосавшего его пылесоса. После такого стресса у Одиссея открылись необыкновенные способности, словно он стал супергероем.

За эту книгу ДиКамилло получила почётную награду – медаль «Национальный посол детской литературы».

Machan

